

ОЛЕГ СВЕШНИКОВ

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

КНИГА ВТОРАЯ

Олег Павлович Свешников

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23794320

Аннотация

Дорогой читатель!

Взяв книгу, не откладывай ее. Прочитай внимательно, с любовью, и станешь еще богаче, красивее душой.

Роман о войне и о судьбе великого воина и великого человека.

О судьбе необычно сложной, необычно героической и трагической.

Едва фашистские орды напали на святую и великую Русь, Александр Башкин, уходит добровольцем на фронт. Его зачисляют в Тульский коммунистический полк, который уже в июле направляется в самое огнево, на Западный фронт.

Подвиг и жертвенность героев не будут забыты.

Воин Башкин бьется с фашистами мужественно, храбро. И выживает чудом.

Александр Башкин совершает подвиг за подвигом, командование не раз представляет его к боевой награде.

Роман «Прощание славянки» выстроен строго на документальной основе, с реальными героями.

Роман о Герое учит мужеству и храбрости, жить по правде и совести, не преклоняться перед трудностями. Учит жить по любви к людям, будит и тревожит гордость за Россию, за великий русский народ!

Содержание

Глава пятнадцатая	5
ВОИН В ТАИНСТВЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РОДНУЮ ОБИТЕЛЬ ИЗ ГОРЬКОГО ПЛЕНА	6
ДОПРОСЫ НА ПРЕДАННОСТЬ ОТЕЧЕСТВУ В ЛЕГЕРЕ НКВД ПОД ТАМБОВЫМ	25
Снова судьба великого воина и великого человека раскачивается на качелях жизни и смерти. Что выпадет? Выстрел в сердце на дуэли с чекистами? Или Фронт? Благородная гибель?	26
ЕСТЬ СВЕТЛЫНЬ-СПРАВЕДЛИВОСТЬ НА РУСИ! ВОИН АЛЕКСАНДР БАШКИН БЫЛ СНЯТ С РАСПЯТЬЯ ХРИСТА	53
Глава шестнадцатая	57
ВОИН-АРТИЛЛЕРИСТ ЗАЩИЩАЕТ СТАЛИНГРАД	58
Глава семнадцатая	141
ТАНКИ ИДУТ НА РАСПЯТЬЕ	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Глава пятнадцатая

ВОИН В ТАИНСТВЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РОДНУЮ ОБИТЕЛЬ ИЗ ГОРЬКОГО ПЛЕНА

I

Вот и Пряхина, родительский дом! Какое блаженство видеть милую, родную землю! Стоял март. Мели еще вьюжки-метели, но солнце уже пригревало леса и поля, одаривая первосветьем. Оседающие сугробы синие-пресиние. На зимнюю снежность как упало небо. Осиновый лес на крутогорье безмолвен, еще в плену снежницы, и даже в россыпи света кажется сиротливым, неуютным. Но там уже пробудилась жизнь! Слышно, как дятел неутомно выбивает дробь. В летучем эхе стуков, угадывается мужская старательность, ласковая музыка — он строит терем и зовет на свадьбу, на житие премилую молодушку. Глухари и тетерева тоже ведут брачную переключку, приглашают красавиц на токовище.

В поле на взгорье еще держится снег. Но уже загустели проталины. По черным бороздам умными и загадочными колдунами разгуливают грачи. На реке Мордвес ледостав, льдины кружатся на перепутье в омуте с особою радостью, как в девичьем хороводе. С талой воды, в сладком томле-

нии, взлетают стаи уток, больше парами, утка и селезень. Летят гордо, с достоинством, неразлучно любимыми, туда, где солнце и синь неба. Вдоль берега серебрятся сережками вербы. Березки еще не оживили свою красу, не шелестят певуче листиками одинокому страннику. На оснеженном лугу, лозя в лужице тонкие льдинки, пасутся стреноженные кони.

Все как было!

И в детстве, и в юности. Та же целомудренность жизни, та же первозданная красота. Ничего не изменилось. Только стало еще милее, сладостнее. Еще любимее до боли и сумасшедших слез.

Мир тебе, моя милая родина!

Александр послушал петушка-скворушку, что пел в саду серенады подружке, того самого, кого спас от гибели, подбрав с переломанным крылом у ветлы, порадовался его взрослости, — и стрелою взлетел на крыльцо, но в избу вошел тихо, незаметно.

Мария Михайловна топила печь и, согнувшись, размешивала кочергою раскаленные малиновые уголья, отклонив от жаркого пламени строгое лицо, еще подложила поленьев, взметнув пепел и искры. Ухватом поставила в печь чугунок.

Он хотел немедленно обнять ее, поцеловать. И долго держать у груди, наслаждаясь теплом родного, дорогого существа. Но постеснялся. И тихо, чтобы не испугать, сказал:

— Мир и согласие дому родительскому!

Мать повернулась и долго рассматривала незнакомого пришельца. Она не узнала сына. У порога стоял чужой человек в черном нищенском пальто. Лик изможден, сам худ, кожа и кости. С лица стекает боль и горе. Никакого свечения в человеке. Скоморох и скоморох в таинстве жизни!

Женщина кротко спросила:

— Вы кто будете? Не от сына с весточкою? Или странствуете с сумою? Картошек я вам соберу

— Остановись, мама! — обнял ее Александр. — Это я! Сын твой. Не узнала?

Мария Михайловна испуганно всплеснула руками, из глаз потекли слезы:

— Шурка! Ты, что ль?

— Кто ж еще? Вернулся! — он сбросил у порога старое, изношенное пальто, лохматую шапку. — Теперь признала?

Матерь перекрестила икону и его. С болью произнесла:

— Да как признать? Оброс, борода седая, как у библейского бога Саваофа, лицо исхудалое, выдублено ветрами! И сам в лохмотьях, как рыба в чешуе. Уходил на фронт человеком, вернулся нищим странником!

— Тяжело досталось, мама!

— Вижу, что тяжело досталось! Руки с чего обгорелые, как пламя в ладони держал? Иль на костре жгли, как еретика Джордано Бруно?

— То не пламя, мама! То обгорелость от связки гранат; причастие такое выпало, биться с танками! Но оставим! Я

бы помылся с дороги. Водичкою не уважишь?

— Чугунок поставила, — она открыла крышку. — Распускается кипень. Разоблачайся.

Как хорошо в родительской обители! Сияют глаза, ликует душа! Все в радость! И горница с иконою Богоматери и младенцем Христом, с мило горящим светлячком в малиновой лампаде, русская печь, коник-ящик со старинною одеждою, на котором можно сидеть, как на лавке, ковер с лубочным озером и белыми лебедями, скромно-уютная половица, связанная из разноцветных ленточек. Даже в радость и милость ткацкий станок бабушки Арины, что смиренно приютился в сенце, прикрывшись паутиною; хомуты, ручные жернова и цепа, какими отец обмолачивал хлеба, и деревянная соха во дворе, на которой пахал землю дед Михаил Захарович. Сладостно величав и яблонеый сад, он еще земная сиротливость, ветки холодны, безжизненны, еще не напитаны солнечным свечением, и сама яблоня еще стоит в снежнице, ощущая скованность, неполноценность; в красоте не летают шмели и шоколадные бабочки, но все едино до слез тревожит щемящую грусть, щемящую радость.

Все осталось в неприкосновенности! И он как не уезжал. Ибо все так же чувственно видит пашенные поля, все так же слышит с луга пение иволги, душистое дыхание лугового василька.

Но разлука была!

Не будь ее, как бы он обрел такую непостижимую, зага-

дочную любовь к стране детства? Неужели все это могло исчезнуть в грохоте танков? За плетнем краснотала! За плетнем вечности.

Не исчезло, не исчезло! Александр счастлив, он выливает на себя ковшик за ковшиком, громко радуется, растирает тело намыленной мочалкою и водою. Она тоже необычная, свежая, родниковая, с запахом талого снега, болотной осоки и лугового ландыша. Тело становится легким, тело ликует, как наполняется сладостным песнопением. Мать подала полотенце, вынесла знатную отцовскую рубашку, в которой он не раз ходил на вечерки и под гармонь Леонида Роголина лихо танцевал краковяк с дочкою богача, с Машенькою, и на свадьбе сидел в рубахе с русской вышивкою; — в результате чего явился он.

Боже, как любо жить! Как любо жить!

Еще бы услышать разудалую гармонь у реки в пиршестве березок, покружиться ненасытным ветром в пляске, попеть тоскующее страдание с красавицами россиянками. И затаенно полюбоваться на юную принцессу, к кому несет совестливую, целомудренную любовь.

Чего еще человеку надо?

Умывшись, солдат-окруженец присел к столу. Он накрыт холщовою скатертью. Еда самая немудреная, крестьянская: жареная картошка на сале, суп из крапивы, крыло курицы, яйца, творог, кувшин с молоком, хлеб с лебедою.

Мария Михайловна наложила крестное знамение на за-

столье, и стала по любви смотреть на сына, радоваться, как он ест, не зная, чем бы еще уважить. Жили бедно. До последнего зерна выгребала окаянная беда-печальница, какая вошла над Русью.

— Надолго отпустили? — спросила тихо, задумчиво.

— На сутки, мать.

— Что так? Погостил бы. Обласкал бы начальство желанием.

Александр посмотрел в окно:

— Я сам себе командир, мама. Иду из окружения! Нет надо мною власти. Вольный я. Как журавель в небе! Брошен я в мире. В одиночество! Жуткою войною. Никто обо мне не знает: ни начальство, ни Иосиф Виссарионович. Вышел из окружения, не вышел, погиб под гусеницами танка-крестовосца, не погиб, никому нет печали! — Он помолчал. — Сам я себе такое время назначил. Именем совести! Именем России! На фронт рвусь, мама. Врага бить. Не могу я с девицами любовь крутить, если над Русскою землею стоит лютое грозное лихолетье!

Мать пододвинула сыну кружку молока, не без горечи заметила:

— Ишь, как рассуждаешь. Как мятежник Емельян Пугачев, царская власть ему не во власть, а тебе начальство не начальство! Человек ты с характером! То мне известно. Самовлюбленность в тебе есть, и самовластность! Принимаешь мир таким, каким видишь. И живешь по законам собствен-

ного сердца. Выстрадал истину, отстаиваешь ее. Никому не уступишь. Прав, не прав, но мира в себе не возвеличишь! Проще сказать, живет в тебе стихия крестьянского мужика. И не можешь ее обуздать. Отсюда твои беды и печали.

Спросила строже:

— Скажи, мир уже разрушен Мефистофелем? Россия пала? Ты один остался? На всю сиротливую землю, на всю сиротливую Вселенную? И можно нарушать законы? Нельзя, сын! Нельзя! Вышел из окружения, явился к военкому в Туле, и будет от правды жизни! Явился? Доложил о себе? Я его жду с фронта, как воина Руси, с музыкою, с ликованием, как встречают матери Героя, а он явился, как дезертир с поля битвы, с оглядкой, огородами, сторонясь народа, боясь каждого куста! Зачем ты мне такую стыдобу принес?

— Строга ты, мать. И не права, — защитился Александр.

— Чем же не права? Разве не накажут тебя, как Каина-дезертира, что по начальству не явился, а напрямик помчался в Пряхина, как конь по вольнице!

— Накажут, мама. Трибуналом накажут! И расстрелом, — покорно согласился сын. — За все накажут, мама! Безвинного, беззащитного, как не наказать? За то, что Гитлер перехитрил Сталина, и он не уловил миг нападения! И как стали воевать? Танки-крестonosцы половодьем растеклись во всю землю Русскую, огнем сжигают Русь, как огненные демоны-чудища, а мы им навстречу со штыками и камнями! На троих одна винтовка! Ждем, когда кого убьют! И желаем, дабы

быстрее! Лучше воевать с оружием, чем с кулаками! Безумие!

За то накажут, что в первые недели великого неслыханного убиения, разгромили, взяли в окружение всю Красную армию! Защищать Москву было некому!

Только народное ополчение и спасло Россию! Ополченцы Тулы и Смоленска, Орла и Москвы. Безоружные! Понимаешь? На брата две гранаты! Солдаты, израненные, окровавленные, вырываясь из окружения, отдавали свои винтовки, пулеметы. Как меня не наказать? Разве не заслужил? Это ведь я расстрелял на Лубянке комиссаров, генералов, маршалов, оставил Русское Воинство без командира! Нашу рать в атаку водил сталевар Ипполит Калина! Скажи, как меня не наказать?

Воин в трауре помолчал:

— Жутко все было, мама! Враг силен. Смертно мы бились. И храбро. Чудом я живым остался! Скорее не чудом, а твоими молитвами. Но сколько полегло! Тьма-тьмущая! Сколько братьев по битве похоронил, — до гроба будут слезы в горле стоять. В горле и в сердце! Своими телами дорогу к победе мостим! В святой русской крови их танки вязли! Нет никому печали до твоей жизни! Вперед, и все! На пулемет, на дот, на танк! Идешь, задыхаясь от злобы. Оглянулся, все поле сечи убитыми усеяно. Как рожь после косьбы, а фриц жив, на губной гармошке играет. И еще печальников поджидает, чтобы загнать в могилы, вытолкнуть в смерть. Не поле битвы, а по-

ле убиения русского солдата! Вот как воюем, мама. Вот где стыдоба! Все держится на отваге. И жертвенности. Так бы Русь давно ушла в пламя свечи, в тревожные ветры! Бил я фашиста! И снова меч вострю. Поэтому и зашел первым делом в Пряжина с тобою попрощаться. С тобою, сестрами и братьями. Вдруг видимся в последний раз? Желал бы еще на могиле отца побыть. На кладбище, где похоронены прародители. Дорога мне родина, мама, мила! Как хорошо дышать ее воздухом, видеть ее пашни!

Родина силою духа питает солдата на жертвенном поле битвы и смерти, мама!

Выслушав исповедь, осмыслив боль сына, Мария Михайловна заметила мягче:

— Про жуткую сечу я поняла, сын! Я не поняла, почему не зашел в военкомат в Туле? Не переломился бы!

— Не зашел, ибо не мог, — с горечью и повинно отозвался Александр. — Неизвестно, отпустили бы еще в родную обитель! Я как русский богатырь на распутье: могут отправить на фронт, могут этапом на Соловки, а то и расстрелять.

Мать испуганно посмотрела:

— За какую такую вину?

— Разве чекисты расстреливают только виновного? Один офицер в тюрьме сказал: мы все виноваты перед Иосифом Сталиным тем, что родились в его время.

— В какой еще тюрьме?

— В Вязьме, в тюрьме.

— Ты был в заключении?

— Не избежал ни тюрьмы, ни сумы. Был в штрафном батальоне, в плену, в окружении. Раз за разом приговаривали к смерти. И свои, и фашисты.

— За какую провинность?

— За побег из лагеря смерти под Холм-Жирковском. Был травлен собаками, распят на кресте. Бог миловал. Случайно. У коменданта лагеря родился сын. И он помиловал. Меня и друга, Петра Котова.

— Своими, за что? — пытливо взглянула Мария Михайловна.

— За любовь к Советской власти.

— Не так объяснился в любви?

— Тоже за побег. Из военного училища. Поссорился с командиром, и сбежал на фронт; нечаянно вышел в зону, где была ставка Жукова, забрала военная разведка СМЕРШ! Был без документов, посчитали шпионом! Приговорили к расстрелу!

Теперь осмысли дальше. Завтра из Тульского военкомата меня направят в лагерь НКВД. Все, кто вышел из окружения по скорбным и праведным тропам, вышел с боями, полив русскую землю кровью, слезами, пропускают через чистилище. Будут водить на допрос как заключенного, как отверженного, изгоя жизни! Добавлять еще мук. За то, что не сгибли в пламени битвы, не застрелились, попав в плен, выбрались живыми из могилы, из тоски, из своего плача. Сле-

дователь будет грозен. Как судия. Почему выбрался? Почему не застрелился? Продался в плену немцам? И отпустили живым? Говори, с каким заданием от фашистов вернулся в свое Отечество, которое продал, как Каин? Нас не проведешь! На дыбе вздернем, а язык развяжем! Не развяжут, так расстреляют. На всякий случай.

Теперь осмысли, мама, мои святые, горькие скитания по страдалице Руси, страшнее, чем у Геракла — *побег из училища, арест и пытки в СМЕРШ, тюрьма в Вязьме, расстрел, побег из фашистского плена*, и явился я к военному комиссару в Туле, меня бы в мгновение отправили в лагерь НКВД под Тамбов! Как бы мы увиделись? Смерть-разлучница неотступно преследует меня, держит на привязи! Я и теперь, как повिдаюсь с тобою, отчим краем, буду отправлен туда, к чекистам, на изучение жития, — где воевал, знался ли с фашистами в плену, помучают хорошо! Могут расстрелять, могут отправить на фронт, если все сложится по разуму и справедливости! Но в любом случае, я вижусь с тобою в прощальный раз! Если отправят на фронт, то почему и там смерть не может стать мне страшною явью?

— Грузные у тебя слова, — откровенно расстроилась Мария Михайловна. — Ты ешь картошку. Ешь. Остынет.

Кивнув, Александр покушал, тихо произнес:

— Будем надеяться на лучшее.

— Один раз плену челом бил?

— Пять. И пять раз бежал.

— Почему не застрелился?

— Ты бы желала?

— Я проклятая Богом, желать сыну гибели? Просто спросила. Ради любопытства.

— В первую оказию не успел, Застрелился бы, — честно признался Башкин. — Окружили солдат-беглецов спящих, внезапно. Без злобы скомандовали: «Хонде хох!» Вскинуть автомат ничего не стоило. Но с каким смыслом? Мигом бы расстреляли разрывными пулями. Умирать от фашиста не захотелось! Не пожелал я, мама, лежать на русской дороге, как на погосте брошенной падалью; без могилы, без хора плакальщиц, без слез матери! Насмотрелся я, пока шел из окружения. Оскорбительным пришествием лежат печальники на сиротливом погосте в лесу, в поле, в болоте, по берегам рек. Всеми отторгнутые, никому не нужные, не ведая, за какие грехи? Лежат со святыми ликами, глаза открыты, страшно и дико смотрят в небо! Лежат безмогильные, бесприютные, застывшие в пиршестве боли и страдания! Были солдатами, загадкою жизни, стали безразличием! Только ветер разносит плач, плач Ярославны! Зачем жили? Зачем были в грешном мире? Им, конечно, все едино теперь, а мне, живущему, мама, так умирать страшно! Многим я закрыл глаза, дабы воронье не склевало. В вечности трудно странствовать царем Эдипом! Одна несправедливость получается! На земле мука, и там скорбь!

Умереть просто. Очень просто, мама! Я мог исчезнуть из

мира с достоинством, в том же лагере. Броситься на колючую проволоку под током! Но какой смысл? В чем он? Россия в беде, а ты идешь на плаху, под секиру, как обезумевшее животное! Выжить — сложнее, мама! *Вся Русь, все ее пространство от Бреста, от Смоленска до Москвы усеяно воинами и все это есть открытое Братское Кладбище Ослабевшего Человека!* Где мать разыщет сына? Каждого, каждого зальют дожди, заметут снега, и сами по себе они растворятся в неизвестности, в обреченности, раз по собственному желанию ушли в траурное пиршество земли Русской.

Александр в трауре помолчал:

— Я воин, мама! И не пожелал истаять в черном роке! Мне богами, судьбою велено — биться за Русь и победить! Зачем же я буду пускать пулю в лоб? Вдруг еще пригожусь?

Мать с горестными глазами потеревшила платок:

— Попривечали тебя ветры буйные. Только не след каждой сороке ведать о черном роке, о том же плене!

— Само собою, — понимающе отозвался Александр.

— Ты, я вижу, без заслуг явился? Только пленником? После госпиталя не воевал?

— Воевал. В роте штрафником! Недолго. Но сильно. Против танков Гудериана! В заслоне оставили, на гибель! Как печальников России! *Трое бились, # и танки жгли, и себя спасали!* И спасли, как видишь. Одному не удалось. Отмутился! Савва, сын священника. Гоняли по земной плахе как врага народа! Не отмолился бы до гроба! Пал героем! За свя-

тую Русь. Мы все были героями. Мне, мать, признаюсь, после тюрьмы, пыток в НКВД, — жить среди танков было легче, чем среди земного люда!

— И награду не отмерили? Звание?

— Отмерят. Розгами. Солеными. По ранам. Из окружения мы шли, мама! Комиссары первыми поднимались в атаку, ложись под танки на поле битвы! Комиссар ополчения Ипполит Калина представил к ордену Красного Знамени. Но там теперь — одна смерть! Он пал за Русь смертью Героя! Все Тульское ополчение полегло, мама, смертью Героя! Три тысячи гробов я ношу в сердце! О награде ли мечутся думы?

Он погладил ее руку.

— Вижу, огорчил своим приездом? Опечалил?

— Супротив, обрадовал. Дошла моя молитва до Бога, — перекрестилась на икону Мария Михайловна. — Измучена я была, сынок, обессилена вероломною печалью в то время, когда видела лунную ночь и ромашковую лощину, по которой тебя ведут на расстрел то свои, то чужие. Слышу выстрел, — и наступает тишина, ледяное безмолвие. И я умираю с тобою. И печаль эта не оттепливается. Никакие думы не исцеляют. И молюсь. И Бога спрашиваю: живая я? Сын живой?

Молчит земная скорбь. И от звезд — ледяное молчание. Неуютно было на земле. Ночь и горящие свечи. И все. Неужели, думаю, не отмолила тебя от смерти? Себя не отмолила? Вгляжусь в пространство Руси, и в пламени вста-

ет тюрьма. Видела ее, близко, как тебя. И одинокую камеру с решеткою на окне видела. И ты пишешь письма мне. Пишешь со всеми печальями, с безысходностью во взоре. Не получала я письма твои, а знаю, о чем писал! До последнего словечка отскажу. Не веришь?

Сын тихо произнес:

— Верю, мама! Еще как верю!

Мать Человеческая заверила со светлыню во взоре:

— Я все видела, сын. Через сердце, через сердце! И бои твои с танками, и как ты под немцем жил! Я тебя по все странство России вела, не давала погибнуть. Молитвою своею. Обращением к Богу, в надежде на его милосердие и заступничество. И утратила тебя, когда зимние метели подули! Зову, а ты не отзываешься. Не на шутку испугалась. Подумала, отвернулся Господь, наш спаситель. И ты являешься! Блудным сыном, нищим странником, но являешься. Являешься пред очи мои, скорбными слезами проплаканными. Не печаль ты принес, радость. Не отвернулся держатель Вселенной, слышит мою молитву. И, значимо, все будет хорошо! *Донесешь огниво до Адольфа Гитлера, разожжешь ему костер!* Доволен моим вещим предсказанием?

— Доволен, мама, — улыбнулся Александр. — Давно твоими устами мед пью. Как сама живешь?

Мария Михайловна осердилась:

— Я тебе, о чем по часу ведала? Чем слушал? Ну, басурман!

— Иван как? Брат? — быстро перевел интерес сын.

— Воюет.

— Похоронки приходят в деревню?

— Слетаются черные птицы. Алексея Рогалина под Смоленском убило. По прозвищу Ленька Шалун. Отыграл музыкант. Все царь-девицы оплакивали.

Башкин задумчиво сказал:

— Он первым вышел на Куликово поле. Праведник от чести и совести! Гармонист от Бога. Какая Русь гибнет, а, мать?

В горнице стало тихо, как в церкви перед молитвою.

И очень печально.

И очень траурно.

Из школы прибежали раздурманенные сестры Нина и Аннушка. Увидев брата, в радости бросились на шею, закружили по избе в хороводе. Они любили его и не скрывали нежные чувства. Подошли, управившись со скотиною, брат Алеша, жена Ивана, кто бился за Русь — Варвара Федоровна. Мать поставила самовар. За чаепитием с малиновым вареньем начались новые расспросы о деревне, о войне. В избе тепло. Топится печь, она гудит ровно, тяга хорошая. Весело в огне потрескивают поленья, изредка взрываясь искрами, свежо пахнет при оттаивании дров снегом с косогоров и березовыми листьями. Как сама вечность, тикают на стене ходики.

Александр доволен, на душе сладко, безмятежно, там заселилась дивная светлынь. Так бы жить и жить, сидеть на

стуле, вытянув ноги, по любви смотреть на мать и сестер, на брата, на улицу в лунном сиянии, не надо таиться в сумрачном лесу, каждое мгновение ожидать рокового выстрела. Неужели он может больше сюда не вернуться, не переступить порог родного дома? Не увидать, как на берегу Мордвеса горят костры, пасутся кони, степенно ступая золотыми от света луны копытами по медово-шелковистой траве?

Страшно все покидать, возвращаться на фронт.

И надо.

Александр Башкин сошел с крыльца, когда над деревнею играли утренние зарницы. Упросив мать не провожать, он крепко обнял ее, поцеловал. И направился один вдоль улицы, какая еще стояла в тумане. Он знал, зачем пошел в одиночество! Сам себе, не признаваясь, он перебежал по бревенчатому мостику, поднялся по косогору и свернул к дому с окнами на речку, на березовую рощицу. Они светились. Доронины вставали рано.

Послышался звон бубенчика над калиткою. Александр остановился, встревожил радость. На улицу вышла в шубейке, жмурясь от восходящего солнца, та, кого он желал увидеть, его юная принцесса. Девочка посмотрела большими синими глазами, кротко поздоровалась.

Краснея, спросила:

— Все воюете, Александр Иванович?

— Жизнь такая, — ответил первое, что пришло на ум, чувствуя сильную робость.

— Нашего папу тоже на фронт забирают. Повестка из военкомата пришла.

— Михаила Осиповича? Хорошо!

— Чем же хорошо? — красавица капризно поджала пухлые губы.

— Воевать вместе будем.

— Там убивают, — Капитолина стыдливо посмотрела в землю, ковырнула сапожком льдинку. — Пойду я. Папа на работу собирается, а вода кончилась.

— Он все председателем колхоза?

— Им управляется. В бабьем царстве.

Юноша заметил на ее пальце оловянное колечко. Сколько хватило смелости, произнес:

— Выросла, как березка. Невеста!

Невольно приосанившись, ласково посмотрев, девочка весело побежала к колодцу.

Обернулась, помахала рукою:

— Живым возвращайтесь, Александр Иванович!

Колодезный журавель вздрогнул, низко поклонился. Цепь зазвенела свадебными бубенцами. С реки взлетела утка и шумно, в солнечную радость, забила крыльями. Башкин оживленно, с волнением шел в Мордвес по хрустально-заснеженной тропе, слыша, как ликует душа, сладостно обмирает. Жизнь необычно покрасивела. Хотелось петь. И он пел русскую старинную, с разудало красивым распевом, песню о любви, какую пела девочка на Ряжском вокзале, когда они

уезжали на смертные бои под Смоленск:

*Начинаются дни золотые
Воровской, непродажной любви.
Эх вы, кони мои вороные,
Черны вороны, кони мои.*

**ДОПРОСЫ НА ПРЕДАННОСТЬ
ОТЕЧЕСТВУ В ЛЕГЕРЕ
НКВД ПОД ТАМБОВЫМ**

**Снова судьба великого воина и
великого человека раскачивается
на качелях жизни и смерти.
Что выпадет? Выстрел в сердце
на дуэли с чекистами? Или
Фронт? Благородная гибель?**

I

Лагерь НКВД располагался под Тамбовом. Те, кто вышел из окружения, жили в железнодорожном Доме культуры. Он обнесен забором из бетона, вверху трехрядьем протянута колючая проволока. Сторожевая вышка величает себя в углу. Часовые с автоматами. Россыпью, с овчарками прогуливаются сытые молодчики в штатском. Режим тюремный, ужесточен до края. Связи с миром пресечены.

Народу тьма. Живут как в гробнице. Люди слышат в себе обреченность. В душе только тьма, ужас и равнодушная холодность. Лица изможденные, могильные, глаза впалые, утрачена всякая светлынь. Двигаются, как потерянные, не чувствуя времени и пространства. Всю волю и силы Геракла отдали желанию, скорее вырваться из петли немецкого окру-

жения, добраться до русского воинства. Выбирались с муками, с гибельными боями, люто поливая Русскую землю кровью и слезами, дабы вернуться на Куликово поле, но уже неся в себе пиршество боли ненависти за страдальицу Русь! Вернутся мстителем!

Все свершилось! Вернулись из лютого мира скорби и страдания, как не порадоваться возвращению, даже березки Руси склонились по милосердию в поклоне за возвращение воину-смельчаку! Да не осталось сил и слез порадоваться спасению, воскресить в себе величие чувств!

Народ с бунтом в душе, с ухарским безразличием к жизни, играл в карты, пил водку, в тайнстве добытую на воле за немецкие золотые часы или медальоны через охранников лагеря. И пьяные в затемненном закутке отчаянно плясали под губную гармошку, и тоже не скрывая в себе тоску и мученическую боль; устав, пели старинные русские песни.

Ночами во всю тюремную казарму неожиданно раздавался крик горя и безумия:

— Фриц обходит! Славяне, дави фрица! Секи прицельно! Последнюю пулю себе оставь! Не трусь!

В другом углу стонали двое в забытьи:

— Еще вражеская атака, Валентин! Чем биться?

— Чем, чем? Разумом и кулаком! Идем рукопашную! Ножом рази зверя, штыком! Вперед, рота, за Сталина!

Кто испуганно, встрепано вскакивал на полу, где спал, прикрывшись не раз прострелянную шинелью. Потерянно

осматривался, желая понять, где потерял себя — на земле, во Вселенной, раскачиваясь, плакал, пел:

*Гроб закрытый,
Гроб забитый.
Мама, мама,
Не я ли убитый?*

Во всем ощущалась человеческая придавленность, безвинная растерянность. Все выстрадали право на жизнь! Как честные воины, они храбро бились с крестоносцами! Одолели врага, одолели себя, одолели плен, дабы вернуться в русскую державу! И вернулись по чести! Казалось бы, чего бояться?

И все же, и все же, бояться было чего? Там, где чекисты, там жизнь, как у вскопанной могилы! Лагерь был — крестный путь. Либо воину Руси, как страдальцу, — тюрьма, расстрел, либо благословение, фронт!

Александр Башкин не меньше страшился вызова к следователю, ему казалось, что за все свои грехопадения надо было являться на исповедь-причастие к Христу, там еще может быть спасение, а явиться на суд-исповедь-причастие к Мефистофелю, тут было сложнее.

И воистину, если всмотреться в его жизнь, то на всем крестном пути, одною золотою скорбною россыпью — прегрешения, прегрешения! Побег из воинского соединения в

час, когда Россия и руссы бьются с захватчиками-крестоносцами, арест военной разведкою СМЕРШ, смертный приговор Военным трибуналом в Вяземской тюрьме по политической 58 статье за измену Отечеству! Приговор смягчают, обвиняют в дезертирстве, штрафная рота! Пять раз был в плену! Пять раз! Кто поверит, что пять раз бежал из плена, и остался живым! Такого не бывает! Беглеца травили собаками, или расстреливали в лагере!

Но так было! Именно, бежал пять раз! Кого обманывать? Себя? Совесть не позволяет! И честь воина и человека! Мог и отдать себя и в паутину лжи, был в плену один раз! Бежал один раз, почему и спасся! И все сложилось бы по милосердию, ни тюрьмы, ни расстрела! Признаешься, за пять побегов, могут расстрелять! И расстрелять именно за правду! \

Но так устроен Александр Башкин, с таким он характером, он не изменит себе, он не предаст себя, только правда и правда — и пусть расстреливают! За правду он не боится умереть, встанет на Плахе Русской Земли с чистым сердцем! И скажет, прости, Россия, что был расстрелян на рассвете, ибо не юлил, не водил, водить хороводы с ложью, с подлостью, а жил по совести, по целомудрию, как ты учила, и как ты благословила жить, милая Русь!

Я на плахе, палач!

На плахе совести!

Стреляй, палач, в чистое, целомудренное сердце!

И выстрели! Еще как выстрели! И тоже в свою злобу, в

свою совесть, в свою правду — Человек есть пристанище пороков, зловещее пристанище лжи, как ему верить?

Почему воин Александр и постоянно слышал в себе угнетающую смуту, нервность и тревожность.

II

Но вызов к следователю оказался не таким страшным. Он был изысканно вежлив. Мило представился: я есть майор государственной безопасности Константин Петрович Лоренцо. Буду вести ваше дело. Надеюсь, мы явите следствию честь совесть воина Руси!

— Значит, вы шли из окружения? — спросил строго, но с затаенным милосердием в душе.

— Выпал крест, — тихо отозвался Башкин.

— Воевать довелось?

— В народном ополчении, в Смоленском сражении. Был ранен. После госпиталя снова с оружием в руках защищал Родину.

— Где? — следователь посмотрел пытливо.

— Под Юхнова и Медыню, защищал Москву.

— В плену были?

— Случалось. Но не задерживался. Бежал.

Майор госбезопасности насторожился, в грозе прищурил глаза. Красным карандашом сделал пометку в блокноте с золотым оттиском вверху ГУГБ НКВД СССР.

— Хорошо, — произнес ровно, деловито. И подал белую почтовую бумагу. — Подробно напишите о себе, кто мать, отец, есть ли сестры, братья, чем занимаются? Когда и кем призваны в Красную армию? Где воевали? Кто были командиры, от командира взвода до командира дивизии? Их имена, фамилии, звания! С кем шли из окружения? Почему оказались в плену? Была ли в лагере попытка завербовать вас в шпионскую школу и направить диверсантом в Россию? Если да, то, с каким заданием вас забросили в тыл Красной армии? Какие еще диверсанты переправлены с вами? Адрес резидента? Пароль? Вам лично оформим явку с повинною. Мы все тщательно проверим! Любое выявленное сокрытие в вашем предательстве, будет караться смертною казнью.

Александр Башкин все написал честь по чести. И пока шла скрытая проверка чекистов, не находил себе места. Чувство обреченности никак не желало покидать смельчака, а раздумье никак не желало наполнить светлыню. Он словно стоял в костре Джордано Бруно, — так мучила страшная тревожность!

Больше всего он боялся за плен! Воистину, как можно бежать из лагеря пять раз, и спастись? Не быть расстрелянным? Кто поверить в такую правду? В такое милосердие? Несомненно, скажут, — проданся немцам! Завербован военной разведкою адмирала Канариса! Больше никак нельзя спастись в лагере смерти! И следовательно, непременно, скажет, теперь я осмысливаю, почему вас забрали в СМЕРШ как

разведчика Третьего рейха! Чутьем взяли! Жду от вас честного признания, с каким заданием вы заброшены в Россию?

И докажи, что не продался!

И докажи, что шел с боями, со слезами, с муками из окружения в свою Россию!

Вот и расстрел!

Зиму жил в деревне, какая была под немцем! Опять докажи, что не служил в городской управе, не был полицаем?

И снова — отгулял бедовым сорванцом!

Время сложное, Жизнь утратила Первозданную Ценность. По ложному доносу в НКВД могут забить на Лубянке сапогами, отправить на Соловки, расстрелять как врага народа! *Вину изыщут, будет подозрение, будет и вина!*

Господи, яви разум!

Господи, яви справедливость!

Нельзя же, человеку от безвинности, всю жизнь бегать затравленным, озлобленным зверем по Русской земле! Не бесконечен же крестный путь, какой ему безвинно выпал, как проповеднику Иову!

Нельзя же, человеку от безвинности, нескончаемо жить среди тоски и скорби, и казнить, казнить себя за невольное грехопадение, затерявшись на Руси в половодье горя, слез? И все надеяться и надеяться на заступничество святой Богородицы! Кто бы знал, как до боли и до сладости хочется идти по жизни человеком, а не безвинно обреченным на страшную казнь!

По тюремной казарме раскатисто билось:

— Кто есть штрафник Башкин? На допрос!

Следователь Лоренцо снова не смотрелся грозным обвинителем, судьей, палачом, кто бы наводил тоску и страх, тревожил чувство обреченности. Все так же вежлив, невозмутим, собран.

Произнес строго:

— Я с предельным вниманием ознакомился с вашей фронтовой исповедью, странствиями по немецким лагерям и советским тюрьмам, как выходили из окружения! Для юношеского возраста ваша одиссея прямо-таки необычна,

и мыслями ее по земному не объять! Нашелся бы Гомер, и можно было написать еще одну поэму. В современном изложении.

Александр Башкин не сдержал себя:

— То есть, я написал поэму-сказание под Гомера, но не от себя, не от правды жизни, так вы поняли мою горькую жизненную исповедь?

Офицер-чекист излучил гнев:

— Спрашиваю только я, а вы отвечаете! Еще раз нарушите допрос, я вас пошлю копать себе могилу!

Воин повинно произнес:

— Простите, нервы! Перемучил себя ожиданием допроса!

— И с извинениями не торопитесь. Ваши извинения мне безразличны!

Он покурил, умирил гнев:

— Нам удалось связаться с комиссаром партизанского отряда под Вязьмою, секретарем парткома управления НКВД в Смоленске Евгением Фадеевым, кто спас вашу милость от расстрела в Вяземской тюрьме. Вы были знакомы раньше? Он ваш родственник?

— Мои родители, столбовые крестьяне. Мы живем в деревне. Откуда у меня могут быть такие высокие родственники?

Следователь внимательно посмотрел:

— Вам не кажется странным, он вас не знает и спасает от расстрела! И кого спасает от расстрела? Изменника Родины, кто приговорен Военным трибуналом к расстрелу! Может быть, он спасает вас не просто, а спасает как разведчика Третьего рейха?

Башкин произнес тревожно:

— Неужели и так можно подумать? Чекист это святость, щит Сталина!

— Почему нельзя? Партизанский отряд под Вязьмою, где комиссаром офицер-чекист Евгений Фадеев, ничем себя не проявил. Немцы превесело живут по деревням, отбирают у крестьянина курицу, свинью, пьют самогон, танцуют чарльстон с девами-бедовицами под губную гармошку, а партизаны даже выстрелом ту гадость не потревожили!

Воин произнес по покою.

— Я не разведчика Третьего рейха! Здесь все проще, человечнее. Из Темкинского отдела НКВД я был доставлен к прокурору в Вязьме. Его не оказалось. Пришлось ждать. Разговорились с помощником Василием Васильевым. Он тоже из деревни. Сумел оценить мою беду. Нашел, что я не так виновен, дабы меня расстреливать. И спас от расстрела.

Следователь Лоренцо презрительно произнес:

— Ваш Василий Васильев служит полицаем в Вязьме! Видите, в какое окружение вы попали? Получается, не зря они вас спасли! С умыслом? Если вы не разведчик Третьего рейха, то надеялись, что станете разведчиком Третьего рейха? Можно так рассудить?

Окруженец согласился:

— Можно, конечно! Но можно и так рассудить, Василий Васильев служить полицаем по заданию партизанского отряда! Этот человек от Бога, от красоты души, от чести и совести, от человечности, он не предаст Русь святую! Горе иссушит душу, не предаст, изверится в жизни, перестанет слышать в себе дивную светлынь, не предаст. Будет стоять у костра Джордано Бруно, снова не предаст!

Лоренцо спросил с усмешкою:

— Вы о себе?

— И о себе!

— Прямо круговая порука! — осудительно покачал голову

офицер-чекист. — Кого разумом не коснешься, одни ге-

рой, одна человечность!

Он помолчал:

— Скажите, майор Евгений Фадеев, ваш спаситель, приглашал вас в партизанский отряд?

— Он не владел моею судьбою! Я был во власти Военного трибунала! Военным трибуналом я был направлен в штрафную роту, искупить вину кровью.

— Искупили?

— Считаю, что искупил.

— Кровью? — следовательно смотрит строго, прицельно.

— Своею жизнью, — по чести отозвался Башкин. — Я храбро сражался с немецкими танками! И, как последний из Могиқан, был заживо, отмщением, засыпан в могилу немецким танком!

— Выжили?

— Чудом! У танка-крестоносца не достало сил совсем затоптать меня в окопе-могиле.

III

Теперь вопрос от Лоренцо прозвучал, как выстрел:

— Как вы оказались в роте изменника Родины Ивана Молодцова?

— О том спросите в штабе армии Рокоссовского! Там давали путевку. Я солдат! Ослушаться не могу. Куда направили, там и воюю.

— То есть, по случаю? — внимательно посмотрел следователь.

— Именно, по случаю!

— И вы не знали, что капитан Молодцов изменник Родины?

В сердце у воина все оборвалось:

— Избави Бог! Я впервые слышу, что командир штрафной роты Молодцов предатель Родины!

— Впервые слышите? — не скрыл иронии следователь.

— Скажите, какая непросвещенность. И как его подлинная фамилия, тоже не знаете? Подскажу, Ганс Шумахер. Обрусевший немец, жил в Риге. Он резидент в России от разведывательного органа адмирала Канариса «Абвер-группа —107». Вспомнили? Не лучше ли раскаяться? Сознаться?

— В чем? — похолодел Башкин.

— В том, что вы не по случаю, оказались в роте Ивана Молодцова! Выявились к своему резиденту, как разведчика Третьего рейха!

— Глупости, — тихо произнес воин, не скрыв тревоги.

— Вы считаете, что мы в НКВД занимаемся глупостями?

— Получается, я особо опасный преступник?

— Не исключено.

— Это обвинение?

Офицер-чекист произнес строго:

— Я не имею право обвинять! Я только веду следствие, подбираю факты, реалии, где все больше убеждаюсь, вы про-

дались немцам! Обвинять имеет право только суд Военного трибунала, и если он на этот раз вынесет вам приговор, то уже спасения не ищите! Вас расстреляют без милости и всепрощения, как врага русского народа! Мы в ЧК живем по закону! И судить вас будут по закону! И расстреливать станут по закону! Но я там с секирою не буду! Я не палач! Я слуга Отечества!

Александр Башкин на мгновение взглянул на следователя, было желательно осмыслить, майор Лоренцо уже уверовал, что он продался немцам? Или через душевную пытку, пытается выяснить, кто пред его ликом — воин Руси или предатель Отечества?

Господи, неисповедимы твои пути! Скажите, за что, за какую провинность, за какое грехопадение снова и снова загоняют в ледяную купель! Как Ирода! Как некрещеного! Как бесправного узника на Руси-страдалице! Снова тревожат и тревожат в сердце тоску и ужас, хор плакальщиц и хор горевестниц, погост и могилу, и близость смерти.

Проклятый он, что ли?

Только кем?

Офицер-чекист не терял мысли, гнул и гнул свою линию: — Скажите, у резидента была напарница?

Окруженец пожал плечами:

— Не могу знать! Была мадонна, его любовница. Кто по профессии, не разобрал. Врач, радистка?

Майор госбезопасности строго посмотрел:

— Не разобрали?

— Воистину, не разобрал!

— Все крутите! Это фашистская разведчица из штаба танковой армии Гудериана. Русская, столбовая дворянка! Дочь царского офицера! Зовут Дина Трубецкая! Отец за измену Родине расстрелян в Вяземской тюрьме! Вы с ее отцом, Александр Иванович, были в камере смертника! Я угадал, грешное дитя судьбы?

— Был там полковник русской армии. Прекрасный человек! Страдалец! Все старался осмыслить свою смерть: служил большевикам, а они его, как Стеньку Разина, как врага народа, вывели на Лобное место, на расстрел! Вот и плакал, проклинал себя, что продался иудам-большевикам, предал Русь святую! Но ушел на эшафот героем!

— Героем ушел? — Лоренцо посмотрел с осуждением.

— Воистину.

— То есть, полковник был?

— Был, не отрекаюсь, — настороженно, эхом, повторил Александр Башкин.

— Теперь соберем все вместе, и получится очень интересная одиссея! В Темкино вас арестовывает контрразведка СМЕРШ как агента разведывательного органа «Абвергруппа — 107». Не отрицаете?

— Именно так, — согласился воин, чувствуя, что погружается в костер Джордано Бруно, и то, что из омута проверки ему живым не выбраться!

— Ваш арест не есть ошибка! Вы взяты праведно, по закону! Вас сбросили с самолета-крестоносца на парашюте для связи с резидентом! Он имел сведения о Западном фронте, необходимые для наступления на Москву, под кодовым названием «Тайфун», какую Гитлер назначил на 30 сентября. Вы провались, сгорели! Вам оставалось только застрелиться! Но вы оказались крепким орешком; чекисты оказались слабее! Поверили вам, что вы не продались немцам, и переписали святцы, вы стали уже не в чине шпиона, а в нимбе дезертира, — и ваша жизнь помчалась на колеснице Цезаря! По пути спасения! И спасители нашлись! Тот же помощник прокурора в Вязьме Василий Васильев, кого вы, как умный разведчик, сумели разжалобить слезами, сблизиться по доверию, — вывезет, не вывезет? Вывезло! Он тоже не силен душою, и теперь служит полицаем в Вязьме!

Вы осуждены судом Военного трибунала на смертную казнь! Осуждены — как изменник Родины, статья 58 пункт, где не бывает помилования!

В камере смертника вы нечаянно узнаете у полковника русской армии Николая Трубецкого, где служит его дочь. Просто к разговору. Без всякого интереса. Вам это совершенно не надо. Вы тоже ожидаете смерти. И надо же, снова вывезла к спасению колесница Цезаря, — вас милуют! Штрафная рота, штаб Константина Рокоссовского, где вы просите направить вас в роту капитана Ивана Молодцова? И вы оказываетесь там, где желали, где дочь русского полков-

ника — Дина Трубецкая и ваш резидент. *Как же вы его не знали?*

Следователь Лоренцо внимательно посмотрел:

— Осталось услышать от вас честное признание, с каким заданием вы заброшены военной разведкою адмирала Канариса в Россию? Признание — та же ваша колесница Цезаря к спасению! Будете и дальше крутиться, как змея под рога-тиною, вас расстреляют как подлого изменника России!

Обреченному воину Башкину только и оставалось про себя посмеяться над неумолимо злою судьбою. И еще раз осмыслить, по горю, по тревожности — повелитель его Жизни и Смерти, несомненно, неумолимо гонит его на Лобное место! И загонит, как зверя! Но, скорее всего, секира уже отточена и палач в красном кафтане ожидает обреченного жертвенника!

Докажи свою исповедь от правды!

Докажи, что не продался немцам!

Куда не шагнешь, все, как куропатка попадаешь в сети!

Сети — ложь! Сети — обреченность! Но и во лжи иставляет солнечное свечение! Виден тот же крест на Голгофе! Что правда, что ложь, все — распятие на Голгофе!

Где искать ключик от волшебного ларца?

Четвертуют, четвертуют, как Стеньку Разина на Лобном месте!

Воин не скрыл настроения:

— Мне больно выслушивать вашу ложь, страшно больно!

Виновен, казните! Но зачем безвинную душу мучить ложью? — Он промокнул рукавом слезы. — Почему, почему вы не желаете разглядеть мою правду? Ваш Ганс Шумахер люто ненавидел меня! И решил расстрелять перед строем! Будет резидент публично уничтожать своего разведчика?

— Расстрелять? Любопытно! И за что он вас ненавидел?

— Я русский, а он фашист! Я раб его, а он господин! С чего ему веселиться? Когда я видел его сущность, во мне гасла светлынь в сердце! Я перестали видеть Русское солнце над Русью! Неосмысленно! По чувству! Но это так! Он слышал мою ненависть! И решил избавиться, расстрелять!

— Почему же не расстрелял?

— Штрафники заступились. И его примадонна Дина Трубецкая!

— Очень заступилась?

— Ее и послушал.

Следователь довольно произнес:

— Не считаете, что сами себя и выдали, господин окруженец! Кто за фашистского разведчика еще может заступиться? Только своя волчица, Дина Трубецкая!

Лоренцо перебрал бумаги:

— И по поводу расстрела, вы изрекли ложь, а не истину, Александр Иванович. Вы прекрасно знаете, за что вас пожелал расстрелять командир роты Молодцов? Совсем не за вашу ненависть! И совсем не потому, что при виде командира роты у вас исчезала светлынь в сердце! И переставали видеть

русское солнце над Русью!

Он занес секиру:

— Вы засветились в Темкино в НКВД как агент гитлеровской разведки! И командиру роты поступила на вас *пиратская метка*. Вот почему он пожелал вас убить! Дина Трубецкая его затаенной правды не знала и заступилась.

Александр Башкин сорвался с цепи:

— Гражданин следователь, Вы оскорбляете, вы постоянно оскорбляете мое сердце ложным обвинением! Я не враг русского народа! Не враг! Не враг! Зачем вы тревожите во мне гнев и ненависть ко всему живому на земле! К человечности, к совести, к справедливости! Ужель ваши оскорбления бесконечны? Во мне уже душа поседела! Я вам только могу повторить, по боли, по печали, я не враг народа, я воин Руси!

Вам доказать?

Извольте!

10 октября 1941 года командиру роты из штаба армии Константина Рокоссовского поступила радиограмма: штрафникам повелевалось — задержать на одни сутки, под Медыню, танки Гудериана, какие рвались к Москве! Всем предстояла честная и жертвенная смерть! Но Иван Молодцов увел ее в леса обетованные, а в заслоне остались только три штрафника-воина! Он знал, танки Гудериана в одночасье раздавит гусеницами святую троицу! И, в его фашистскую радость, устремятся в Москву! Но мы отбились. Мы двое суток удерживали армию Гудериана! Двенадцать тан-

ков подожгли. *Зачем бы я сражался с воинством Гудериана, если я есть немецкий разведчик?*

В танковую одиссею следователь Лоренцо, конечно, не поверил:

— Трое удерживали?

— Так точно, гражданин следователь!

— Танки Гудериана?

— Танки Гудериана, — эхом отозвался Башкин.

— Герои! — не скрыл усмешки чекист. — Послушаешь вас, кто выходил из окружения, и диву даешься, не воины Руси, а Гераклы! Один Отто Скорцени, друга фюрера, в плен взял, да он сумел в деревню сбежать, за русскую печку спрятаться! Другой из ружья семь самолетов сбил, как барон Мюнхгаузен одним выстрелом семь уток подстрелил! Вы танки Гудериана остановили под Медынью! Как же фашисты к Москве изволили на воинственно-золоченой колеснице подкатить?

— Можете сомневаться, — покорно вымолвил Башкин.

— Но так было, мы бились с танками. И выстояли.

— Свидетели имеются?

— Только я, Петр Котов и Савва Бахновский, или, как он себя величал Себастьян Бах!

— Вы не свидетели, а выдумщики! — зло бросил следователь Лоренцо. — Кто вам поверит, что вы двое суток сдерживали армию Гудериана? Было такое? В себе мы все Наполеоны!

— Было, гражданин следователь! Вы не можете не знать о наводчике орудия Николае Сиротинине! Он у белорусского города Кричеву 17 июля 1941 года с одной пушкой сдерживал танковую дивизию Гудериана! Подбил 11 танков, 57 фашистов загнал в гроб! Я еще в плену о том слышал от фельдфебеля, он заставлял бороться с финном, и хвалил русского солдата: Коля русс-жертвенник, гут, гут, это сильно, это красиво, это мудро! И ты не трусь!

Он бил с шоссе по колонне, под Медынью было легче! Там вырыты окопы, в нише покоились противотанковые ружья, где испорченные, где хорошие, автоматы, ящики гранат. Траншеи вырыты подковою. Фриц заходит в подкову, а мы его бьем с близкого расстояния!

Меня танк столкнул в окоп-могилу, и в ненависть стал кружить, затаптывать, но не достало сил, он уже горел! Петр Котов был контужен. Савва Бахновский пал смертью героя! Вы можете не верить, но так было! Гудериан развернул колонну! Мы воевали храбро! За себя, за матерей, за Россию! Почему я должен таить свою правду! И ходить в чине разведчика Третьего рейха?

Следователь Лоренцо призадумался:

— Когда это было? 10 октября 41 года?

— Так точно, гражданин следователь! — охотно отозвался Александр Башкин.

Следователь изыскал в папке документ:

— *Странное совпадение! Как раз 10 октября генерал*

армии Георгий Жуков принимал командование Западным фронтом. Он слышал бои под Медынью. И просил разыскать героев, которые прикрывали дорогу от Юхнова на Москву. И представить к награде. Телефонограммы разосланы по штабам Западного фронта, особым отделам. Рота ли стояла, батальон ли, всех наградить! Двое суток врага держали! Может быть, даже Москву спасли, а как доказать, что это вы? Где свидетели?

Башкин изволил себе пошутить:

— Как где? Разве генерал армии Георгий Жуков не есть свидетель? Надеюсь, вы верите ему!

Лоренцо отозвался строго:

— Генералу армии Георгию Жукову я верю, я вам не верю! Нужно документальное свидетельство командира роты, полка, дивизии! Наградные листы должны быть завизированы Особым отделом армии, дабы исполнить волю командующего Западным фронтом и представить вас к званию Героя! Или вы намерены сами на себя писать наградные листы? Свои подвиги расписывать?

Башкин отозвался по совести:

— Не ради наград воюем, товарищ майор государственной безопасности!

— Вы правы. Зачем вам советские награды? Вам бриллиантовые кресты со свастикою душу согревают, — быстро отозвался он, опять сев на своего конька.

Вдумчиво помолчал:

— Что ж, про ваши танки мы еще вспомним! Поговорим о плене! С кем вы шли из окружения?

— Я написал. С Петром Котовым, своим другом.

— Еще с кем? — пристально посмотрел офицер-чекист.

— Из окружения выходили толпы. Мы соединялись. И разъединялись. Знакомств не заводили.

— С Иваном Молодцовым резидентом гитлеровской разведки, не шли вместе на Москву?

— Немножко. Мы нагнали роту у Жуковки.

— Случайно? — откровенно насмешливо посмотрел майор Лоренцо.

— Совершенно случайно.

— Надо же, какое простодушие! Встретились два агента адмирала Канариса в густом лесу, с певчими птичками — и случайно!

— Поверьте, признание от совести! Вскоре мы стали ему в тягость. Он сдал меня, Котова и еще группу воинов Руси в плен фашистам.

— И вы случайно бежали из плена?

— Справедливо. По воле удачного случая.

— Не слишком ли много случаев, Александр Иванович? — язвительно заметил хозяин кабинета. — По случаю повстречали в лесу бандитов Ганса Шумахера, его бандитов, по случаю увиделись со своим резидентом! По случаю совершили побег из фашистской неволи! И, смею заметить, вы совершили пять побегов! И остались живы! Вам не удивитель-

но? Разозленное гестапо ловит вас с овчарками! И не расстреливает!

Откуда у фашистов такое к вам милосердие? Просто так? Не поверю! Опять спасение от случая? Еще больше не поверю. *Так еще не было, пять раз бежать из плена, из фашистской неволи, и не быть расстрелянным.* Нет ли здесь хорошо продуманной системы? Под Медынью вы не смогли связаться со штабом армии Гудериана, в плену смогли! Получили новое задание от хозяев и стали под видом воина-окруженца еще дальше углубляться в тылы Красной Армии, к Москве. Видите, как все закручивается? И дальше будете оспаривать, что вы не предали Русь, не Каин?

Башкин защитился:

— Вы не правы, ибо не в ту сторону клоните траву-ковыль. Иосиф Сталин сбегал из ссылки тоже пять раз! И тоже по случаю! И остался жив!

У следователя зашло сердце:

— Вы что, Сталин?

— Не Сталин! Я воин Руси! Воин Сталина! И пусть затрубит в небесную трубу Михаил Архангел, призовет на суд к Христу, я и там, перед вечностью скажу на всю жизнь и на все бессмертие — я не Каин, я воин Сталина!

IV

Властелин его жизни следователь Лоренцо, ощутил в себе

растерянность. Он оценил ум и непоклонность воина.

С долею покорности произнес:

— Хорошо! *Я могу на время забыть, что вы агент абвера!* Но и дальше, как показала проверка, ваша жизнь ничем не слаще сахара. Вы служили у фашистов полицаем!

— Преувеличение.

— Откуда в канцелярии городской управы Тихонова Пустынь, значится ваша фамилия? Двойник? И ваш друг Петр Котов, кого мы допросили в Старой Руссе, не отрицает, что вы и он служили полицаями! Он вас оболгал? Дал ложные свидетельства?

— Мы не служили в жандармерии! — с бунтующею обидою заверил Башкин. — Мы сделали вид, что готовы стать полицаями, желая получить пропуск в Западную Белоруссию! Все пути на Москву были перекрыты танками Гудериана! Пропуск давал возможность переночевать в деревне, и двигаться дальше, к линии фронта! Так мы и шли! Нас в каждой деревне разыскивало гестапо.

— И не нашло? Опять по случаю? — утрашающе посмотрел следователь. — Тысячи воинов, кто шел из окружения, отлавливало гестапо по лесам и деревням, с гончими псами, а вас не загнали в сети! Прямо чудеса! Любопытно, кто же молился за ваше спасение? Уж не всемогущий ли абвер?

Следователь ударил ладонью по столу:

— *Вам дали пропуск, ибо вы агент абвера! Вас не загребало в сети гестапо, ибо вы агент абвера!* И хватит крутить,

изворачиваться, как змея под рогатиною!

Майор Лоренцо успокоил себя:

— Замечу, если даже вы не шпион Германии, господин окруженец, то служба в полиции ни менее преступна для воина Красной армии! Те же Соловки, тот же расстрел за чинимые злодеяния!

С каждым часом становилось не легче. Башкин истратил в себе светлынь. Душа стонала. Офицер-чекист хорошо знал свое дело. Выкручивал явления жизни так, как ему было удобно и выгодно. Шел накат лжи, а получалось как бы все по правде.

— Значит, пишем, служили в полиции!

Башкин устало ударил в колокол:

— Пишите! Но я не служил в полиции.

— Открыто не служили, так надо понимать? — чекист предельно строго посмотрел в его глаза. — Вы были агентом в жандармерии. Для засылки в партизанские отряды. Справедливо?

Воина люто оскорбляла ложь, и он собирал в себе все силы, дабы явить миру свою правду:

— Поднимите на дыбу, пошлите на смерть, и там, с небес скажу, — все бесстыжая ложь.

— Хорошо! Кто выдал немцам партизан в Медведево — мельника Луку и его жену Прасковью? Они были забраны в гестапо, их держали на дыбе, жгли огнем, но они никого не выдали! И вас не выдали! Герои-мученики были повешены

на мельничном колесе, у плотины! Только вы имели с партизанами связь! Что на это молвите?

— Роковое стечение обстоятельств.

— Вы не причастны?

— Я не рожден предателем!

— Им не рождаются, становятся! Загонит жизнь, как волка

за красные флажки, и взвоешь, пойдешь на все, дабы только выстрел не прозвучал.

— Ваша истина-исповедь о предательстве ко мне не относится! За бесконечные странствия по лесам, за попытки прорваться через линию фронта в меня, над моею головою столько просвистело пуль, снарядов, разорванных гранат, что я устал бояться, падать ниц перед выстрелом. Меня они не страшат. Я никогда не был и не буду иудой России.

В тот февральский вечер я сам чудом остался жив! Шел на явку. И попал в засаду. Фашисты открыли огонь. Как меня не убили с близкого расстояния, в открытом поле, по которому я бежал как прокаженный, в страхе божием, останется на всю жизнь изумлением и удивлением.

Офицер не скрыл иронии:

— Снова по случаю спаслись?

— Чудом!

— Не живете вы, не живете по заповедям Христа! Лжете, крутите, как метель над умершими! Как мне поверить, что вас хотели убить?

— Теперь уже никак, раз остался жив!

Лоренцо понял умную иронию. Строго осудил ее.

— Не рано ли веселитесь? Юного партизана Виктора, сына хозяйки, у которой беспечно жили, мед-сметану пили, тоже не вы гестапо сдали? Велика ли его вина? Ну, подобрал на поле сражения две брошенные винтовки. Отдал мстителям! Кто знал? Только вы, Александр Иванович! Не думаю, что мальчика расстреляли мальчика только за ружья!

— За что еще? — насторожился Башкин.

— Он вас разгадал. И собирался поведать командиру партизанского отряда! И вам бы именем народа и России вынесли смертный приговор! Вы поняли, что вам грозит опасность. И мудро обогнали роковые для себя события. Сдали его в гестапо. Не так?

Башкин побледнел, потер сердце:

— Виктор моя вечная боль, моя вина! Не уберег! Никто теперь не сдвинет камень с души и не укротит стонущие, скорбные перезвоны колокола, которые буду слышать всю жизнь. И никто не укротит, не смирит, даже вся Вселенная, слезы боли!

— Хорошо! Идите, — сухо разрешил следователь, не желая видеть мужские слезы. — Бабы вы, а не солдаты.

Он вызвал конвойного, попросил помочь добраться человеку до камеры.

ЕСТЬ СВЕТЛЫНЬ- СПРАВЕДЛИВОСТЬ НА РУСИ! ВОИН АЛЕКСАНДР БАШКИН БЫЛ СНЯТ С РАСПЯТЬЯ ХРИСТА

На земном календаре было 23 марта 1942 года, когда воин Александр Башкин начал глумливо-траурное шествие по проверке в лагере НКВД под Тамбовом. Пытки шли месяц! И все горькие, скорбные! Он все земные мгновения жил, как у вскопанной могилы, и совсем не ожидал по милосердию пощады и всепрощения! И после каждого допроса недоумевал, чем провинился? За какие муки вяжут и вяжут к пыточному колесу, списывают в изменники Отечества, и никак не защитит себя, не отстоять правду и честь.

Стало сдавать здоровье. Первым ослабло зрение. И нервы совсем развеселились. Стало страшно оставаться одному. С самим собою. Стоило прикрыть в покое глаза, — и мигом являлась камера смертника в Вяземской тюрьме. И тут же с неумолимую тоскою раздавались выстрелы, лютые, обреченные стоны, крики о пощаде и милосердии, и во все эти могильные крики и стоны, где угасала жизнь, где слышался хор плакальщиц, совсем неожиданно врвалось ликующее песнопение гармоники, как на веселом пиру жизни. Все переме-

шивалось, и могильные стоны, и ликующая игра гармоники, и он видел себя, на берегу реки, среди березок, где россиянки водят хороводы, видел, как он в удаль танцует краковяк с милою девочкою Капитолиною, кружит ее в вальсе ветра, теперь уже один, без толпы, желает обнять, поцеловать — и раздается выстрел!

Он падает на Плахе Земли, обливается кровью. Рыдающая песня гармоники заливает всю землю, достигает звезд, он, опираясь на звезду, встает над землею, снова желает увидеть свою юную россиянку, но снова звучит выстрел! И он снова падет горьким распятым на земную плаху, обливается кровью.

И снова звучат выстрелы, выстрелы! И все никак не убьют! Не казнят! И он никак он не отмучается.

Не надо идти к пророчице Кассандре, воин заболел! Не страхом смерти, а сумасшествием! Воля Ильи Муромца была утрачена! И любовь к жизни была утрачена! И чем бы все закончилось, неизвестно, но ангелы-хранители были еще сильны у Александра Башкина, да и боги Руси не желали отпустить храброго воина на гибель.

23 апреля воин-страдалец был вызван на последний допрос. Майор государственной безопасности Лоренцо повел себя необычно; открыл пачку «Казбека». Вежливо предложил:

— Кури, солдат.

— Я не курю, — тоже вежливо принял отречение Башкин;

его измучивало желание, скорее, скорее узнать, куда по воле Пилата-мученика вынесут вороньи кони: на Соловки, на плаху, на Куликово поле?

Следователь продолжал удивлять:

— Тогда выпьем, — он достал плитку шоколада, бутылку французского коньяка. Разлил в рюмку. — Фронтovou, солдат!

— Извините, я не грешен, — произнес виновато воин.

— Ну, смотрите. Не настаиваю, — проявил великодушие Лоренцо. — Я хочу выпить за вас, за русского воины! Вы располагаете к себе, вызываете уважение. И вы, и остальные целовальники креста! Мы все понимаем, битва с врагом держится не на генерале, а на штыке и отваге русского воина. Чего его гнать по кругу лжи, сомнения и смерти? Но работа есть работа! Попадают еще Каины!

Вам сообщаю, Александр Иванович, вы с честью выдержали экзамен воина Руси! Военная контрразведка, чекисты к вам претензий не имеет. Воюйте и дальше так же храбро.

Лоренцо поднял рюмку:

— За вас!

Выпив, отломив долю от шоколада, он внимательно посмотрел:

— Скажите, в самом деле, 10 октября 1941 год под Медынью именно вы сдерживали танковую армию Гудериана, какая рвалась к Москве? Я бы мог пространно отписать о вашем подвиге генералу армии Жукову, востребовать награду

Героя или орден Ленина. Вы ее заслужили! Встретились бы оба: солдат и генерал. Порадовались бы, выпили чарку за победу. Для вас общение с генералом не стало бы лишним. Как считаете?

— Не знаю, — честно признался Александр Башкин. — Одно скажу, в лесу под Медынью есть обгоревший дуб, ему сто лет, мы заложили в дупло гильзу с посмертным посланием тем, кто будет жить в свободной России! Там есть и моя подпись, *Александр Башкин, 10 октября 1941 года, Медынь.*

Он помолчал:

— Писать, не писать, это вам решать! Напишите, если желаете. Я же горд тем, что мы, руссы-мученики, сдержали врага! Не пустили в Москву! Не сдали Россию!

Майор госбезопасности дружелюбно произнес:

— Вы очень на сына моего похожи. Право, право! Он тоже воевал, попал в окружение. Где теперь? Не ведаю, убит, не убит, в плену не в плену. И бессребреник. Как вы! Не знаю, как сын, но вам быть героем!

Лоренцо подвинул ему рюмку:

— Возьмите коньяк, пригубите! За сына моего! За вашу мать Человеческую! И за Россию!

Офицер-чекист и воин Руси вместе выпили коньяк за бессмертие русского Отечества!

Глава шестнадцатая

ВОИН-АРТИЛЛЕРИСТ ЗАЩИЩАЕТ СТАЛИНГРАД

I

Шел 1942 год.

Великий канцлер Германии Адольф Гитлер пребывал в грустном раздумье. Военные планы «Барбаросса» разбились о славянскую цитадель. Россия устояла! Выстроить там, где величает себя чужедальняя, благословенная Земля Руссов, бессмертное государство Господ и Рабов не удалось. Его воины-крестоносцы, как жалкие бродяги, были повелительно разгромлены на дуэльном побоище под Москвою и трусливо бежали по зимнему безмолвию поля, оставляя кладбище за кладбищем с березовыми крестами.

Странная нация! Он им ковал железные кресты, переполненные солнцем любви к жизни! Они выбрали деревянные кресты, переполненные могильною тьмою!

Неужели напевы белых вьюг, дождливых осенних ветров, хор плакальщиц чужих берез им приятнее слушать в братской могиле, на славянской Руси, чем благословенно-воинственную музыку в своем святилище, в родной Германии?

Нет, легли в землю.

Где холодно и сумрачно.

Уснули на все времена. Уснули вместе с колокольным благовестом во славу жизни и победы!

Оставили фюрера. Скорбь человеческая! Скорбь! Не так жалко война-крестоносца, сколько жалко себя! Поставил на корону властелина мира! И проиграл, попал в омут тоски и траура! Подняли, как Калигулу, на мечи! И это его, гения из гениев! Такого самодержца еще не было на земном пространстве! И уж своим умом, умом гения, он всемогущ был осмыслить: Россия не так проста, Россия — не Гаснущее Солнце! И получилось то, что получилось. Он проиграл! Слишком сильным оказался Илья Муромец. Разметал мечом его соловьев-разбойников!

Он верил в свою победу! Безоглядно верил. Теперь пришло самое страшное — сомнение. И распад надежды принесла Москва! Первою скорбною ласточкою! Конечно, перед генералами и солдатами он будет, как и прежде, гордо восседать владыкою мира на белом коне, как острый меч, воздев руку в сторону Востока. Они должны еще верить в свое господское знамение; и уж если ему, царю-держателю Светлыни на земле выпало еще и Царствие тьмы, раствориться в могильном безмолвии, то пусть воинство и народ, обреченно и жертвенно, исчезнут, в венце траура, следом! И исчезнут — *наказанием, возмездием*, раз проиграли битву миров! Подвели его, фюрера! Где подвели, предали!

Один раз за тысячелетия, за всю земную жизнь, за всю вечность во Вселенной пришел он как Бог на благословен-

ную землю, чтобы возвысить Германию, сделать ее владыкою мира, а немцев господами мира! И народ не смог оценить единственную возможность! Будет еще такой фюрер у народа?

Не будет!

Значит, пусть гибнет!

Пусть становятся русской пылью в земной гробнице.

Пусть разносятся ветром в пространстве.

Скорбными птицами в поднебесье.

Вечным эхом прощания с жизнью.

И безмолвием. Безмолвием!

И все будет по совести, справедливости! Немцы обманули его надежды, его веру в величие гуннов Атиллы! Оказались не высшею расою! Мужчины утратили гордость, воинственность! Не истребили славян! Не превратили в рабов, илотов! Борьба рас не состоялась! Новая германская элита не возникла.

Чего же им ждать от фюрера? Только благословения на смерть!

Неужели прав был великий прорицатель и чародей-мистик Альфред Науйокс, кто предсказал ему, как сыну дьявола, смерть на очистительном костре? И правда ли то, что в его Замок Светлыни и Тьмы огниво принесет славянин-русс?

Как же не прав?

Нет, битва за себя, за Германию, за корону властелина мира еще не окончена! По земле еще прокатятся жестокие бит-

вы и гибельные побоища! Дранг нах Остен — *поход на Восток*, не завершен! Если ему суждено погибнуть, он возьмет с собою в могилу всю землю! Или превратит ее в саркофаг! Только хор плакальщиц и хор горевестниц будет могильным рыданием витать в осиротевшем земном пространстве!

Раздумывая так, Гитлер не кривил душою. Он был еще силен! К маю 1942 года он собрал на Восточном фронте армию в шесть миллионов человек, три тысячи танков и три тысячи самолетов. В Третьем рейхе начальник штаба вермахта фельдмаршал Вильгельм Кейтель вывел доктрину: разгромить русские армии на юге, овладеть Кавказом, выйти к Волге, *завоевать Сталинград*. Фюрер понимал: если это удастся, он получит господство на Восточном фронте, овладеет кавказскою нефтью, оставит Сталину горючего только на розжиг керосиновой лампы. И смело, победоносно поведет войнство на Москву и Ленинград.

В мае началось наступление. И очень успешно! Крестоносцы-викинги в мгновение разгромили Крымский фронт, где войнством командовали генералы-бездари Лев Мехлис, Дмитрий Козлов, маршал Григорий Кулик. И взяли Керчь, Севастополь, весь Крым. В то время Черное море стало Красным; русская, славянская кровь текла половодьем. Вскоре пал и Южный фронт генерала Родиона Малиновского.

Путь на Сталинград был открыт! Оставалось сломить сопротивление Брянского фронта под командованием генера-

ла Федора Голикова, прорвать оборону у Воронежа. После чего гитлеровское воинство полководца Вильгельма Паулюса могло под гордую, воинственную музыку приблизиться к Волге. И взять штурмом город Сталина.

II

На защиту города Сталина и встал Александр Башкин с товарищами по оружию. Он был причислен в полевую артиллерию, прислугою. Вошел в расчет командира орудия Михаила Ершова. Это был человек-весельчак, с добрым лицом, с живыми глазами, где жила светлынь, и, казалось, никогда не могла размеситься угнетающая угрюмость. Он звал, располагал к себе.

При первом знакомстве, бреясь финским ножом, приспособив зеркальце на снарядном ящике, Ершов поинтересовался:

— Воевал?

— На Смоленщине.

— И с танками?

— Приходилось.

— Страшно было?

— Конечно, страшно! Такое чудище на тебя катит! Но привыкаешь, втягиваешься! *Или ты? Или он?*

— Ценю. За правду, — похвалил его командир. — Я сам сибиряк, из Тюмени. От столицы фашиста гоню! Насмотрел-

ся на храбрецов! Идут в атаку, как на свидание с любимой! Трубно кричат: «Вперед, славяне! За Сталина!» Битва окончена, смотришь, а он лежит распятым, пуля рассекла лоб, и дождь смывает кровь. Не кричал бы, как юродивый на всю Русь: я немца приговорил, буду ему кланяться — и жил бы! Зачем умирать? Даже за Сталина? Не лучше выжить?

Сержант поскреб щеку ножом, философски заметил:

— Ты смотри, Александр, какая хринотень получается! Его Отечество выбрало в воины Руси, а он взял и по-хитрому перебежал в вечность! И бестревожно полеживает на перине в святом покое на лежбище у Бога, а я, Мишка Ершов, за мудрого красавца бьюсь, бегаю по кострам земли! Как тебе такое мнение?

Разделяешь?

Воин пожал плечами:

— Разделяю.

— Если разделяешь, держись за свою жизнь! Крепко держись! Умеешь крепко держаться?

— Я в пять лет уже крепко держался, — скромно заверил Александр Башкин. — Взрослые в деревне в шутку, в довольство, посадили на коня, он был необъезжен, и кнутом стеганули! Он меня до полоумия носил по полю, как конек-горбунок Иванушку! Не удержался бы, всего поломал! Не сбросил, за гриву удержался! Мать потом коромыслом гоняла окаянных шутников!

— Зря гоняла! Для закалки, самая знать!

Он ополоснул лицо теплою водою, смыл мыльную пену:

— В любовь веришь?

— Верую, — серьезно отозвался юноша.

— Познакомить с врачом? Имя милое, Наденька! Глаза, две зари у рассветной земли! Груды крутые, порочные. Так и зовет прокатиться на солнечной колеснице.

— Сами чего?

— И я бы малинку съел, да не смел. Дикая она! С надломом в душе. Служила у танкистов в роте, капитан ее востребовал, а дева не далась. Мужчина озлился, изнасиловал ее! Оскорбленная красавица застрелила его! На батарее два месяца. Все артиллеристы влюблены, но все мимо! Непрístupная крепость! Из глаз одни похоронки! Видишь ли, деве не та любовь требуется, а любовь от чистоты, от целомудрия, какая бы спасла ее. Как замерзшую яблоньку. Ты юн и чист. Вдруг получится? И немца бы лучше бил! За тобою была бы не только Россия, но еще и замерзшая девочка-яблонька в подвенечном платье! Познакомить?

Башкин не успел ответить. Наблюдавший за небом наводчик Павел Куликов громко крикнул:

— Воздух! Воздух! «Юнкерсы» пошли бомбить Воронеж! Всем в укрытие. Живо, живо!

Вскоре Александр увидел, как в небе красиво и грозно летели немецкие бомбардировщики. Гул нарастал, страшил гневом, но люди не торопились бежать в укрытие; крестonosцы летели бомбить Воронеж, к гостям пообвыкли. Но в

этот раз совсем неожиданно гибельною россыпью стали падать бомбы. В стоне вздыбилась земля. Воспылала кострами! Взрывною волною далеко откинуло в сторону командира орудия. Беспомощно полежав, Михаил Ершов с трудом поднялся:

— Ничего на яхте укачало! Так и убить могут. Ну, фрицево отродье.

— Укрываться надо. Не геройствовать! — осудил его Башкин, выскакивая из укрытия, помогая сержанту добраться до снарядного ящика; у воина бурно текла из ноги кровь.

— Верно, говоришь, солдат, — не стал возражать Ершов, зажимая рану. — Обхитрил немчура! Они же, сволочи, летят бомбить Воронеж, а сбрасывают бомбы у реки Девицы! Скорее отбомбится, скорее вернется на аэродром, к патефону, к шнапсу! Чего ему под зенитки лететь! Не поняли мы друг друга, — он с грустью посмотрел вдаль; там, где был Воронеж, все небо уже кипело белыми всполохами от зенитных снарядов.

Из командирской землянки выбежала военврач Надежда Сурикова, на ходу поправляя сумку с красным крестом. Тревожно спросила у сержанта Ершова:

— Ваше орудие бомбили? Вы ранены?

— В самое сердце.

— Чем? — встревожилась женщина. — Осколком? Пулею?

— Стрелюю бога любви Амура! Спасите, Наденька, ягодка

сладенька, — рассыпался в балагурстве артиллерист.

— Как же я вас исцелю, если вы убиты наповал? Разве я кудесница-воскресница? Вашу руку, живо!

— Желаете предсказать мою судьбу, мою любовь, мою смерть?

Посчитав пульс, врач строго повелела:

— Сидите смирно! Вы ранены! — и стала разрезать ножницами галифе, с особою ласковостью смазывать рану, бинтовать ногу.

Башкин искоса наблюдал за влюбленными. Он видел, как присмирел, притих суровый воин, полностью отдавшись во власть женской воли, женскому милосердию, испытывая бесконечную радость и сладость от нежного, легкого, родственного прикосновения ее пальцев, ее взгляда, близости ее дыхания.

Сама Надежда Сурикова мила и красива. И, безусловно, избалована мужским вниманием. Все в чаровнице было от красоты: и русые, коротко подстриженные волосы, изящно прибранные под пилотку, и нежный овал лица, и длинные ресницы, и ореховые глаза, где жили застенчивость и певучесть, и чувственные груди, откуда по греховности шел зов любви и чарующая ласковость! Ремень туго стягивал ее гимнастерку, тонкую талию. Она звала, волновала! И что было приятнее всего, не несла горделивую надменность. Странно было видеть такую чуткую красоту на огненном разломе жизни! Надежде бы кружиться в вальсе на княжеском балу,

мчать в удалые разгоны по Руси на свадебной тройке, слушать гармонь, ловить, играя и смеясь, сладостные поцелуи, жить, как царице Руси, любовью и светлынюю. Каждый бы отдал жизнь за ее любовь! Ее красота была от солнца, от таинства.

Остановив кровь на ноге Михаила, врач и дальше бинтовала рану с особою нежностью, замирала, если видела его боль, и, переждав ее, еще осторожнее вершила милосердие. Видно было, что любят друг друга. Но еще не дошли до смелости на все времена отдать себя! Жили чистотою целомудрием. И еще только-только постигали правду любви, ее мудрость, ее музыку, ее загадку.

И Башкин невольно подумал, зачем командир орудия подбивал его на любовь к писаной красавице? Засомневался в ее любви? Решил выверить свои чувства? И ее? Хитрец-мудрец этот сибирский богатырь, с распадом русских волос, синими глазами, как у скифа. Зря беспокоился! Жили два солнца рядом!

Красавица не взволновала его. Только сильно, до исступления, растревожила память, где он, по сладостному чувству, увидел свою крестьянскую родину, Пряхино, увидел юную девочку-россиянку с двумя косичками, с огненными, живыми и любопытными глазами, какую любил до боли, слез и ненасытности.

И еще он подумал, наверное, тяжело любить на войне. Где во всю землю пожарища, где пули и бомбы.

Где могут убить.

III

Сто шестьдесят первая стрелковая дивизия Брянского фронта находился в резерве. Александр Башкин каждое утро чистил пушку, изучал полевую артиллерию; помогал ездовым водить по вечерам на реку Девичу закрепленных лошадей, по любви купал, старательно скреб и мыл. Приходилось выезжать на разбомбленные железнодорожные станции у станиц Кочетовка, Стрелица, Гремячее, спасать людей из горящего вагона, рыть братские могилы, по печали, по трауру хоронить страдальцев, тушить пожары, какие зловеще отражались в полноводном Доне. Спасали от огня вагоны с хлебом, с танками.

Такая работа тяготила, угнетала. Но жизнь не звала к битве. И не звала смерти! Вокруг была весна, пробуждалась земля, привыкшая в благости, по милости одаривать человека радостью, светлыню! Она звала пахаря к пашне, птицу в поднебесье, зверя к любви. Густо зеленели леса, ожили цветами крутояры, цвели яблони в саду, привольно пели соловьи. Жизнь звала любить солнце.

Но не было, не было желанного покоя в душе Александра! Он внимательно отслеживал сообщения в газете и знал, что пал Севастополь, близилось падение Воронежа. Дела на Сталинградском направлении все усложнялись! И Башкин от-

кровенно рвался на поле битвы. Он чувствовал Россию, как великий и мятежный сын ее, кто призван служить страдальце верою и правдою. И стыдился жить в пиршестве тишины! Он уже привык быть между жизнью и вечностью. И привык нести в себе зов битвы. Его сердце было выпестовано по принципу Христа: пахать, так пахать, воевать, так воевать! Целовать крест, так целовать!

Крестьянин из Пряхина не боялся войны.

Не страшился смерти, ее вечного таинства!

Он боялся себя.

Своего безделья. Своего отчаяния! Молчания звезд. И земли.

И вскоре затишье было нарушено. В июне в дивизию прибыл командующий фронтом генерал Федор Иванович Голиков.

И всюду живо спрашивал:

— Как настроение, орлы?

Отовсюду неслоь:

— Боевое, товарищ генерал!

— Небось, засиделись в девках? Не пора ли свадьбы играть под музыку пушек? Мед-пиво пить?

Командующий сообщил по скорби: Брянский фронт прорван! Я по воле Сталина ввожу в сражение последний резерв, вашу стрелковую дивизию, с танками, самолетами! Ваше воинство должно решительно выбить фашистов из Семилюк, откуда армии генерала Паулюса наступают на Воронеж

и Сталинград! Вам, мои герои, выпала честь остановить шествие крестоносцев по Руси, спасти город Сталина! Вперед, славяне! За Родину!

С самого утра дуэль началась превеликая! Ударил артиллерия и две живые лавины, две железные громады столкнулись на огромном пространстве. Ожесточенные бои развернулись за *деревню Подгорную, первую крепость, которая защищала Семилуки*. Руссы штурмовали деревню с небывалою храбростью. Сражение шло на хлебном поле с неубранными с осени, желтыми, переплетенными на ветру колосьями. Ее наступление поддерживали танки, артиллерия, которая метко разила укрепления врага.

Воины Третьего рейха в крепости не отсиживались. Только русское воинство в неустрашимом натиске, в подвиге достигало ее окраин, бесстрашно бросались в контратаки. И дрались с умом, отчаянно, не ведая страха и обреченности! Впереди неостановимую лавиною двигались острым клином танки, зловеще оглашая землю гудом моторов, страшно поблескивая на солнце черными крестами. Они заливали безжалостным огнем пушек и пулеметов наступающие цепи, с поразительной точностью разили, разбивали русскую артиллерию. За танками шли полупьяные автоматчики и, подбадривая себя, пронзительно выкрикивали отборные ругательства, и тоже сплошным кинжальным огнем выбивали из жизни воинов, сеяли и сеяли смерть.

Едва немцы и русские соприкасались, сходились, как с

гневом бросались друг на друга. Пощады никто не ждал. Смерчем метались гранатные разрывы, хлестали пулеметные и автоматные очереди. Горели танки, падали в горевую вечность люди! Обе стороны по чести, по бесстрашию, как святые праведники, всходили на крест, на жертвенные костры, гибли, перерезанные пулеметною очередью, истекали кровью. Но никто не уступал! Сила билась о силу, билась как гладиаторы на арене Римского Колизея, где в схватке никто, никто не ожидал милости и пощады от императора, от Бога!

Расколись земля надвое, падая во Вселенную, и там бы, где звезды, бесконечное пространство, бились и бились!

Расчет командира орудия Михаила Ершова был на острие битвы. Он расстреливал танки! Сам он, когда снаряд попал в танк, и в пламени, с тяжелым стуком о землю слетала башня, кричал в ликовании:

— Вот вам собачья свадьба, фрицево отродье!

И тут же подмигивал Башкину:

— Видишь, как надо бить?

Увидев на поле битвы танк со свастикою, что мчал на батарею, кричал:

— Чего встал? Снаряды неси, живо! Живо!

Руссы-воины бились за деревню Подгорную трое суток, но бастион так и не сдался, не выбросил белый флаг! Больше того, генералу фон Паулюсу пришла строгая телеграмма от начальника штаба вермахта Вильгельма Кейтеля, он писал: фюрер недоволен вами! Вы должны быть уже у Дона, у Ста-

линграда, а вы не можете сломить горстку руссов!

На четвертые сутки, едва вспылало солнце, фашисты пошли в атаку тяжелою броней, дабы пробить щит руссов, что героически прикрывал собою Сталинград. Лавина танков, выстроенная клином, какая могла рассечь горы у моря, самоходные пушки, автоматчики-мотоциклисты, спрятанные за щиты, полководье пехоты со штандартами СС, — все неудержимо устремилось к бастиону руссов.

Командир батареи капитан Иван Мороз, с вечно строгим ликом, с черною окладистою бородою, припав к стереотрубе, внимательно следил за грозным движением крестноносцев. Издали танки напоминали черного муравья, какие степенно ползут от взгорья к взгорью, прячась за камышами, поближе — были уже зеленые гробницы, с дьявольским сиянием глаз, какие постоянно мигали и мигали; такое ощущение возникало от вспышек выстрелов из орудия.

Немецкое воинство шло гордо, непобедимо, слышалась песня-гимн Хорст Весселя.

Капитан Мороз заметил про себя:

— Красиво идут, сволочи!

Когда танки подошли на расстояние выстрела, он подал команду:

— Батарея, к бою! Бить по головному танку! Как вырвался, так на прицел его, лютого зверя! Прицел постоянный! Огонь вести самостоятельно!

Командир орудия Ершов повелел прислуге:

— Неси бронбойные, Александр! Не дремать, как карась в камыше! И заряжать, живо, живо! Командир Михаил Ершов сам следил за полем битвы, ловил танк в перекрестье прицела!

И только вражеские машины приблизились к рубежу, как от орудия к орудию понеслись обжигающие приказы:

— Огонь! Огонь!

И поле битвы вновь всколыхнулось взрывами, запыляло кострами! Дым закрыл солнце. Черные пороховые тучи клубами вились над траншеями. Грохот стоял невероятный, словно вся земля обратилась в кузницу! Пули и снаряды как заблудились, утратили обычное движение, летели то в одну сторону, то в другую! Огненные трассы перекрещивались, переплетались в пространстве ада по Данте. И было непонятно, где летят «свои», а где «чужие» снаряды. Казалось, над землею стоял огненный блуждающий хаос.

Но это только виделось.

И немцы, и русские знали, что делали. Одним надо было взять деревню Подклетную, другим ее защитить.

Взмокший от пота Ершов, в расстегнутой гимнастерке, ни на миг не отрывался от панорамы, от прицела, без усталости вращал маховик поворота. Заловив в перекрестие танк с автоматчиками на борту, стрелял и радовался, если чужеземное чудовище уходило в траур, в земное пожарище.

И по радости кричал:

— Снаряды, еще снаряды!

В разгар боя вынырнул из огня и дыма подносчик Степан Банников, по печали доложил:

— Снаряды кончились, командир!

— То есть, как кончились? — взревел старший сержант.

— Весь запас расстреляли, все семь ящиков! Полдня без перекура воюем, — виновато отозвался артиллерист.
— Один снаряд остался.

Командир орудия, пригибаясь от летящего половодья пуль и осколков, посмотрел на Башкина:

— Второй подносчик, добыть бронебойные!

— Где прикажете? — немедленно отозвался воин, спускаясь в окоп, оставляя на краю пулемет, из которого расстреливал наступающие цепи врага.

— Сам не соображаешь? — выразил недовольство Михаил Ершов. — У Бога всего много, позаимствуй! Не понял? Видишь на позиции разбитое орудие сержанта Белоусова? Весь расчет погиб. Там остались ящики с боеприпасами.

— Но там уже немцы, командир! — выразил опасение Степан Банников.

— Познакомится поближе! Выпьет чарку за победу! — и подал команду. — Бегом, Александр! Чего мишенью стоишь под осколками? Ты, Степан, за пулемет! Пехоту коси за танками, пехоту!

Башкин смело и молниеносно занырнул в черные дымы. И ползком, перебежками устремился туда, где на взгорье лежало вверх колесами изувеченное танковым снарядом ору-

дие. Там еще стрелковая рота удерживала передовые позиции, обреченно отбиваясь от наседающего фрица. Чувствовалось, что воинам без орудия было тяжело. В бесконечность строчили пулеметы и автоматы, рвались снаряды. Все на земле стонало, гремело и содрогалось.

Неизвестный русский пулеметчик кричал сорванным, нервным голосом:

— Сюда, ко мне, сволочи! Здесь я, в окопе! Идите, давно поджидаю! — И тут же раздавались пулеметные очереди, какие разили незваного пришельца кинжальным огнем.

Пробраться к расстрелянному орудию и в самом деле было сложно! Та уже разгуливали враги. Запросто могли подстрелить, как утку. Приподнявшись на локте, Башкин увидел убитого воина, скорее, истребителя танков! Он зажал в руке связку гранат. Про себя подумал: шел на крестonosца, да не дошел, веер пуль рассек грудь. Печаль, печаль!

Он еле разжал цепкие пальцы героя, взял связку гранат. На крестном пути пригодится, не на гулянье вышел! Он переждал, когда стихнут летящие пули, и побежал, пригибаясь, к орудию. Снарядов на эшафоте не оказалось, лежали разбитые обгорелые ящики. Александр увидел землянку. Дверь была оторвана взрывом, валялась на траве. Он заглянул туда и в глубине нашел то, что искал. Нацепил цепью три ящика и с усилием потянул за собою. Выбрался из землянки, и замер! Прямо шли немецкие автоматчики, шли, не таясь, полупьяные, веселые. И прицельно, тешась, пристреливали, если ви-

дели, раненого красноармейца.

Немцы тоже опешили, увидев русского солдата, изнуренного битвою, но вполне здорового. Даже не раненого. Солдат со снарядами, что встал на пути, показался в диковинку. Стоит, молчит! И было непонятно, то ли вышел из землянки сдаваться, то ли вышел на битву, как Илья Муромец против несметного воинства.

Растерянность длилась мгновение.

Офицер передвинул затвор автомата, с лихого веселостью крикнул:

— Рус зольдат, сдавай-с! Сталин капут! — и играючи нажал на спуск.

Автоматная очередь огненную трассою пронеслась над головою Башкина. Пули беззлобно, тонко пропели сверчками. Он не пригнулся, не шевельнулся в сторону. Он понимал, это бессмысленно! Если решили убить, то убьют! Поиграют и убьют. От смерти, от пули не спрячешься, в берлоге-окопе не захоронишься. Если еще жив, значит, надо думать, как выбраться из окаянной западни! Он видел, немцы держат автоматы наперевес, черные зрачки дул нацелены на сердце. Одно неосторожное движение, и он зальется кровью. Пули с неизбывною радостью вонзятся в человеческую плоть. Про себя он выверил, фашисты держатся надменно, смотрят на игру с русским солдатом, как на забаву, с выжидательным удовольствием. И не ждут нападения! Не безумец же русский солдат! Зачем умирать, если можно жить?

Он неспешно поднял руки. Чем еще больше усыпил бдительность офицера СС. Немцы довольно заулюлюкали, гут, гут, загалдели, как воронье, слетевшее на падаль с деревьев. Наступило самое мгновение — возврата к жизни! Он небесною молнией упал на землю, схватил связку гранат и метнул ее в гущу врагов. В крике, в панике подполз к убитому офицеру СС, взял автомат и, отбиваясь, все еще испытывая нервную дрожь, тяжело потащил-поволок ящики со снарядами к орудию. Вслед неслись автоматные очереди фашистов. Бесчисленные, плотно летящие пули огненным саваном растелились над его головою, и были не так страшны. И больше напоминали сладостную песню о спасении, о помиловании. Башкин спустился в траншею, а лабиринты ее загадок-ходов были ведомы только русскому солдату.

— Принес? — спросил, не оборачиваясь, командир орудия. Он рассматривал в бинокль громыхающее, горящее поле битвы.

— Так точно, доставил! — подтянулся артиллерист.

Он ждал похвалы. Не ради честолюбия, а ради чести, справедливости. Но услышал осуждение:

— Долго ходил, браток! Только за смертью посылать!

Башкин был солдат, не больше. И не меньше. Ходил под командиром! Но человека в себе слышал. И справедливость слышал!

— За смертью и посылал, — он не скрыл обиды.

Сержант Ершов внимательно взглянул на новенького ар-

тиллериста. И посчитал нужным урезонить.

— Ты, как желал? Дружить с войною, а спать с прелестною женою? Мы все под Богом величаем себя!

Он достал фляжку:

— Выпей глоток. Помогает! Вижу, воин! И везучий. Другой бы уже распятым лежал на земле.

Толкнул его:

— Чего приуныл? Неси снаряды!

Михаил Ершов нацелил ствол орудия на танк, подозвал обиженного воина, скомандовал:

— За Родину, за Сталина! Огонь! Жми на спуск! Живо! Выскользнет чудо-юдо из прицела!

Башкин назвал на спуск, раздался выстрел, пушка дернулась, засуетилась туда-сюда, и вернулась на круги своя.

Подозвал к себе Башкина, посмотри в прицел;

— Теперь смотри в прицел! Живо смотри! Горит танк! Запиши себе!

И еще раз похвалил его:

— С первого выстрела, и танк подбил! Надо же! Говорю, везучий! Быть героем! Только вожжи не распускай.

IV

Трое суток руссы держали бастион! Враг не прошел к городу Сталина! Звездные миры на всю ночь застыли в изумлении! На четвертые сутки, на горизонте, там, где было пир-

шество солнечного света, показались самолеты-крестоносцы. Они вытянулись в одно трехглавого Дракона и заполнили собою все пространство неба.

Раздалась тревожная команда:

— Воздух! Воздух! Всем в укрытие!

Половодье бомб обрушилось на бастион. Фашистские самолеты бомбили его, в лютую ненависть, в злую и радостную исступленность! Ад, что описан Данте, — сладкая ягодка, с тем, что вершилось наяву! Вся земля Русская была вывернута наизнанку, обратилась в Одну Печаль и Одну Боль, кричащую, стонущую, тревожно-обреченную. Негде было изыскать спасительное прибежище! Все смешалось в диком разливе скорби: стоны, кровь, слезы, пепел, сатанинские клубы дыма, мужские проклятья, женские причитания и молитвы к всемогущей Богородице о милосердии! Вся земля горела, как костер Джордано Бруно!

Но бомбы все падали и падали на Русскую землю, на безвинную землю страдалицу!

Досыта насладившись мщением, самолеты улетели, показав на прощанье крыльями, скорее в издевательство защитникам бастиона.

Спустя время, на крепость помчались танки с черными крестами! Помчались неостановимо, неисчислимо, как в психическую атаку, где даже под выстрелами, под смертью, не сворачивали с избранного курса. Только вперед и вперед! Не только командирам было в разумение: немцам приказано

прорвать оборону к городу Сталинграду или погибнуть во славу великого фюрера и великой Германии! Следом бежали автоматчики, и в удалую ненависть, от живота, рассылали по полю густым роем трассирующие пули, разя все живое.

Артиллеристы полка с трудом сдерживали и отбивали озверелое наступление немецкого воинства. Стволы раскалялись добела. На батарее рвались снаряды и мины. Их осколки щедрым горячим градом с гневом бились в щиты, осыпали орудия, пробивали сердца артиллеристов. Над позициями густо высились облака от пушечного горячего дыма, черные, неподвижные. Солнце опять исчезло в дьявольской круговерти, как замуrowало себя в темницу из черных туч.

С неба валил, кружился мелкий пепел.

Трепетал раскаленный воздух.

Снаряды с обеих сторон носились, как молнии, прожигая, сметая на пути все живое. Вся земля была охвачена зловеще воющим, свистящим железом. Поле боя давно уже перестало быть полем жизни, стало гибельным эшафотом, кладбищем.

Но враг все наседал и наседал! Подбитые танки горели, распространяя по полю рыже-золотистое, свирепое пламя. Пехоту из орудия и пулемета рубили, секли, как могли. Фрицы умирали нервно, не соглашаясь с гибелью, громко, пьяно, кричали, то ли предсмертную молитву, то ли зывали к пощаде и милости! То ли слали проклятья себе и России, что необдуманно пришли завоевателями на чужую славянскую

землю и теперь вот убиты и не вернутся больше в родные края к любимым фрейлинам, не увидят поседевшую от горя и ожидания мать.

Но живые еще больше свирепели и шли, шли на рубеж в страшном натиске, неизъяснимом исступлении.

В грохоте лязгающих гусениц, в плену черного дыма Михаил Ершов живо наводил орудие и метко разил железные громады, подступающие все ближе к редуту. И дико кричал:

— Врете, гады! Не возьмете деревню Подклетную! — И снова торопил воинов. — Заряжай бронебойными! Живо, гробину твою!

В это время на бруствере с гулом разорвался дальнобойный снаряд. Взметнулся огонь, как в неумолимом гневе высеченный из земли. Повисло черное облако, губительно, в жаркий дар, забили осколки по щиту, стволу и лафету. Пушку качнуло, накренило, из-под сошников выбило брусья. Она покатилась с позиции, из дворика, но ее удержали. И с трудом на руках вознесли обратно.

Командир орудия, припав к прицелу, увидел в перекрестье танк:

— Чего встали, гробину твою! Гони снаряды в казенник!

Башкин по печали произнес:

— Убит он, товарищ командир!

Протерев глаза от порохового дыма, Ершов оглянулся. И печально посмотрел на взгорок, где в луже крови, на траве, широко раскинув руки, лежал, скорчившись, Степан Бан-

ников. Он прислонил голову к обугленной березе. Горячие осколки разнесли затылок, лицо было бледное, без кровинки, но спокойное и красивое, брови нахмурены, ясные глаза смотрели в небо с интересом, с изумлением, словно в последнее мгновение увидели солнце и клином летящих журавлей и все еще радовались их необычно благословенному полету в дальней синеве. Несли в себе свет жизни. Не было в глазах гибельной пустоты. «Хорошо умер, — невольно подумал командир. — Умер, не почувствовав смерти».

Еще один снаряд громом разорвал землю около бруствера.

Командир, как очнулся, взревел:

— Решили добить, дикари двадцатого века! Врешь! Не возьмешь!

Он посмотрел в бинокль на поле битвы. Увидел, как в котловине у танка собрались немецкие автоматчики, оттуда и стреляли по его орудию! Немцы уже бежали в атаку, на высоту, рассеивая во все пространство гибельные светящиеся трассы.

Ершов повернулся, спросил:

— Александр, можешь заряжать?

— Учен, товарищ командир! — подтянулся воин.

— Тогда не стой, как огородное пугало! Заряжать осколочными! Будем бить по пехоте! Отсекать ее от танков!

И сам себе стал командовать:

— Огонь! Огонь!

Башкин еле успевал в спешке загонять снаряд за снарядом в прокрустово ложе казенника, руки его дрожали от нервного волнения, глаза заливал пот, гимнастерка была вся просолена, густо белела присевшими голубями на спине. Мучила усталость. Но он ничего не чувствовал, кроме ликования боя. Он понимал: идет смертельная дуэль с танками! Возможно, его последняя. Слишком уж велико наступающее немецкое воинство, лезущее на батарею с упрямым желанием ее уничтожить. Враг не считался с потерями. Все поле сражения было усеяно убитыми. Бесконечными земными кострами горели танки!

Но атака шла за атакою! Вражеская артиллерия вела прицельный огонь. Земля у батареи, где воевал Александр Башкин, была вся изрыта воронками; землянки, блиндажи разрушены. Сраженные пулями, падали убитые, раненые. На всю роту капитана Ивана Мороза остались только две пушки.

Но артиллеристы билось героями.

Героем дрался и Башкин. Он старался, как мог. Но снова не угодил командиру орудия.

— Как заряжаешь, душа дьявольская? — ожесточенно выдохнул он, с трудом разлепляя ссохшиеся от жажды губы, заметив, что новичок-артиллерист Башкин, тяжело дыша, стоял среди стреляных гильз, держал снаряд, растерянно посмотрел:

— По уставу заряжаю, по науке.

— На колени привстань! — обозлился его недогадливости сержант. — Нельзя заряжать, не пригибаясь. Собьют, не успеешь маму вспомнить! Теперь разобрал, гробину твою? Ты что, от пули заговорен?

Неожиданно наводчик Павел Куликов, оторвавшись от прицела, испуганно вскрикнул:

— Командир, танк на наше орудие мчит!

Михаил Ершов припал к панораме, и тоже сильно побледнел.

Из близкого соснового урочища, варварски, внезапно, вырвался тяжелый танк. Он, зловеще лязгая стальными гусеницами, устремился на редут Ершова, на ходу разворачивая башню и ствол орудия, из какого через мгновение должен полыхнуть огонь, разнести в клочья людей и пушку.

Командир орудия не стал скрывать опасность:

— Мчит наша смерть. Или мы или он!

Он вскричал:

— Александр, гробина твою, чего стоишь, как огородное пугало? Снаряд в казенник на танк! Живо!

Из пушки полыхнул оскал пламени! Было послано еще три снаряда! Но танк-крестоносец шел и шел. Как заколдованный.

Он тоже выстрелил, и тоже снаряд промчался мимо, прямо над головою артиллеристов!

Дуэль не получалась. Танк-крестоносец мчал по кочкам, прицельно выстрелить на ходу, было нельзя. И нельзя оста-

новиться, дабы хорошо прицелиться! В мгновение расстреляют! И танк-крестоносец решил на скорости вдавить в землю, растоптать оружие Михаила Ершова, вогнать в землю, в могилу.

Александр Башкин все понял. Такая горько-трагическая ситуация складывалась не раз в Смоленском сражении. Он схватил связку гранат и быстро устремился по ходу сообщения к дерзкому рыцарю-крестоносцу. Бежал, тесно прижимаясь к земляной стене траншеи. Он строго понимал свою ответственность. Понимал и то, что на войне убивают! Без жертв она не бывает. Но одно дело, когда гибнешь в бою, не видя летящей пули, летящей гибели. И другое дело, когда видишь эту смерть. Глаза в глаза! Осознаешь ее. В печали, неотвратимо. Она стоит у сердца. И в то же время дарит надежду, наполняет смелостью и верою, что еще можно выжить, спастись. Видимая гибель, конечно, лучше. Невидимая, в тебя летящая, какая в мгновение убивает, — хуже. От нее не спастись, не защититься. Танк был — видимая смерть.

Гремучее чудовище сделало еще выстрел по оружию сержанта Ершова. Надо было спешить. До танка еще далеко, гранату не докинуть! Можно выползти из окопа, на равнину, там к танку будешь ближе, но он не решался. Было опасно! Пулеметчик сразу бы прострочил его, ползущего к танку, как бы он ни вжимался в родную землю-матушку, какие бы ни шептал молитвы о спасении.

Александр Башкин как воин, несомненно, был поцело-

ван Богом, где по величию соединились смелость и талант мыслителя! Он сердцем чувствовал поле боя, казалось, даже знал, куда летит пуля, в его ли сердце, мимо ли? Угадывал движение танка, знал, когда будет стрелять! В войне жило загадочное чувство, *свое дьявольское зрение*, каким он и чувствовал грохочущее поле сражения с разливом густого порохового дыма и пламени. И теперь он просчитал верно: вырвется в смелом отчаянном порыве на хлебное поле с истоптанными колосьями ржи, — и через миг будет лежать на земле-страдалице с простреленною грудью. Обождет, — переиграет врага, перехитрит его!

Танк-крестоносец пока не видит воина, он мчит прямым курсом на орудие Ершова, какое стояло с краю! Путь его с чугунным гулом, непременно, проляжет через окоп, где и затаился воин-охотник. Другого пути не было! И все свершилось по его святцам. Танк, наполняя мир страшным гудом, стреляя на ходу, только-только переполз через окоп, — как вслед полетела связка гранат, и тут же раздался взрыв. И крестоносец с оторванною гусеницею беспомощно закружился на месте, горестно покачиваясь, не прекращая звериного, бешеного рева. На броню с жадною радостью вырвался огонь, и танк все больше становился костром, гробницею. Расстрелять из автомата фашистов, какие не пожелали заживо сгореть в огне даже во имя фюрера, было уже проще.

Вернувшись к орудию, Башкин устало отер полою прокопченной гимнастерки пот с лица.

Ершов обнял его.

— Солдат-хват, не с ухват! Выручил наши грешные души! Так бы хана! Умеешь воевать! Знаешь, где выждать, как перехитрить врага. Это и есть наше искусство! Быстро мою науку усвоил, — похвалил он себя и Башкина. — Ценю! В нашем полку героев прибыло.

V

Наступила ночь. И передышка. К переднему рубежу подкатила походная кухня. Весело зазвенели котелки, ложки. Обедали прямо у орудия, расставив снаряжные ящики. И тут же утомленно засыпали прямо на земле; она остро пахла пороховым дымом. Кому удавалось, делали ночлег из сена или соломы. Командир орудия Михаил Ершов лежал между станинами, принакрывшись гимнастеркою, которая была не раз обожжена и осыпана осколками, спал нервно, тревожно, словно нес тяжкий крест, губы сухо вышептывали: «Огонь! Огонь!» Но звука не было, волнение перехватывало горло. Александр Башкин не спал, он облокотился на лафет и смотрел в небо, на звезды. И вспоминал Пряхино, мать у иконы, любимую девочку Капитолину, которая величаво шествует к колодцу, неся на коромысле ведра, наполненные ключевой водою. Слышал, как играет на вечерке гармонь Леонида Рогулина, девушки поют русские песни. В такие мгновения пиршество радости не знало края. Вместе с тем, поти-

рал уши, где постоянно слышалось от выстрелов орудия тугое звенящее гудение. Мучить не мучило, была сила, власть над собою. Но спать не мог. И не спал сутками. Всю войну.

С рассветом опять началось сражение. После сильного и оглушительного обстрела гитлеровцы, держа на весу автоматы, вслед за танками пошли в психическую атаку.

Едва заняли огневую позицию, как Павел Куликов воскликнул:

— Посмотри, командир, сколько танков! Во все поле — танки, танки! Семьдесят, сто, тьма!

Ершов поднял бинокль, пытливо посмотрел, небрежно заметил:

— Последнее из сусеков выскребли. Нам пахать, не привыкать! Так, Александр?

Башкин кивнул.

— Чего желал бы?

— Выжить. И побыть в Берлине.

— Выживем, — заверил сержант. — Воина русская земля силою жизни питает! Как Антея! Ты еще с умом воюешь, с везением; *чувствую, Александр, как пророк, чувствую # в тебя заложено бессмертие!* Быть тебе у Гитлера!

Наводчик не отступал, в раздумье прикидывал:

— Интересно, сколько на долю выпадет?

Командир орудия вошел в гнев:

— Въедливый ты, Паша! Какая твоя печаль? Знай, крути жернова, и пусть с похмелья не болит голова! Или впервую

коршун вьется над русскою землею?

Поклянемся выдержать!

Все сняли каски, зазвенела сталь.

На этот раз вражеские танки оставили психическую атаку. Слишком много машин горело, дымилось желтыми клубами на поле сражения. Они открыли гибельный огонь уже с дальнего расстояния! Палили бешено. И не в белый свет.

Над пушками

артдивизионами высоко, у самых облаков, летали самолеты «Фокке-Вульф», какие с высоты корректировали огонь.

Все опять смешалось, спуталось в водовороте огня и дыма, снарядных разрывов. Несмотря на то, что воины, едва приподняв голову, обреченно падали в смерть, все батареи ответили на сокрушительный огонь. Началась нескончаемая дуэль пушек с танками. Свист снарядов объял, заполнил всю землю. Вспышки от выстрелов бесконечно загорались и гасли кострами, словно на поле сражения шел диковинный танец света и тьмы.

Орудие Михаила Ершова разило танки метко, удачливо. Фашисты ее отметили, стали окружать. Снаряды рвались у орудия все щедрее, воины только успевали прятаться за шит от летящих осколков. Но вот у пушки с оглушительным во-ем разорвался снаряд. Фонтан из огня и земли взметнулся в небо! Ощущение такое, обвалилась каменная гора! И камни разрушительным половодьем понеслись на пушку, сшибая в гибель, в излом, ее и героев-воинов.

Орудие ушло в молчание!

Над окопом взлетел траур!

Спустя время, тяжело приподнялся Ершов, выполз из могильного холма. Кровь текла по его лицу, скапывала на грудь, на гимнастерку. Отплевывая землю, преодолевая боль, тихо спросил:

— Живые есть?

Прихрамывая, тоже крепясь от боли, подошел и встал у орудия Башкин.

— Все? — сурово спросил командир.

Воин не ответил. Они оба, как сговорились, в мгновение посмотрели на наводчика. Павел Куликов лежал неподвижно, сгорбившись, руки распахнуты, словно хотел на прощание обнять и поцеловать русскую землю. Лежал в крови, как-то перемешалась с землей. Смотреть было страшно.

Близко донесся грохот битвы. Ершов как ожил, опомнился. Тихо спросил:

— Как пушка, Александр?

— Жива! Щит разбит, броня треснула.

— Садись в кресло наводчика!

Башкин быстро открыл затвор, загнал снаряд в казенник. И в перекрестье прицела стал рассматривать поле сражения.

Михаил Ершов, еще в трауре, тоже стал его вдумчиво рассматривать в бинокль:

— Бери танк, что выскочил на взгорье! Сам отдается! За Родину, за Сталина! Огонь!

Выстрел не получился. Снаряд пролетел мимо.

Командир орудия взбеленился:

— Куда к дьяволу стреляешь? — он сам внес поправку в прицел, пока Башкин засылал тяжелый снаряд в казенник пушки. — Смири волнение! В сталь обратись! В снаряд, какой посылаешь в танк!

Успокоившись, артиллерист Башкин подкрутил панораму к цели, нажал на спуск. Резкий грохот сотряс воздух. Орудие дернулось, полыхнув ослепительным пламенем, и снаряд точно ударил по черной башне танка, с которого торопливо, в панике стали прыгивать немецкие автоматчики.

— Быть тебе командиром батареи! — возликовал Ершов, довольно рассматривая в бинокль поле сражения. Увидев, как из ложины цепью вывалилась пехота, нетерпеливо подал команду: — Заряжай осколочными! Огонь! Огонь! — вновь и вновь приказывал он.

И Башкин в жаре, в поту, размазывая в суете по лицу черную гарь, сжав спекшиеся в порохе губы, без усталости, уже не пригибаясь, не боясь пуль и осколков, метался по изученному крестному пути от орудия до ящиков с боеприпасами. Загонял в казенник то бронебойные снаряды, то осколочные, садился в кресло наводчика и стрелял, стрелял, поражая фашистское воинство.

Но немецкие танки все шли и шли вперед, решив умереть или разделаться с непокорным орудием.

Неожиданно Башкин вскричал в испуге:

— Командир, кончились снаряды! Все ящики расстреляны!

— Что, значит, кончились? — взревел Ершов. — Живо спустись в землянку командира огневого взвода. Там есть запас, тридцать снарядов! Не мельтешишь, быстро! — с угрозою потребовал он.

И в тот момент, когда воин-храбрец занырнул в землянку, прикрытую плащ-палаткою, у пушки раздались три взрыва, наполнив вокруг пространство пороховым дымом и пламенем. Скопище осколков осыпало горячим железом пушку, изогнуло ее в подкову! Выбежав со снарядом, Башкин увидел у пушки глубокую воронку, где он сидел в кресле наводчика, и где теперь густела гибельная пустота, невольно подумал: не спустился бы в землянку, точно бы убило!

И опять удивился: почему же не убило?

Ужели его мать Человеческая, благословенная Мария Михайловна, нашла единение со святою Богородицею, и постоянно отмаливает его от смерти?

Чудо! Живое чудо!

Вернувшись к себе, в битву, стал искать глазами Михаила Ершова, желая угадать, од каким завалом лежит командир? Надо было скорее его раскопать! Может, еще жив? Но где он, где? Ужели снаряд попал в живую плоть и та плоть обреченно разнеслась в разные стороны вместе с осколками? Так войны умирали не раз! И только у Бога заново собирали плоть, угадывали человека, кто он? Чем жил?

Так думать было страшно. Но вскоре он увидел, как в самом углу траншеи, зашевелился могильный холм, и показалась треснутая каска Ершова. Он подбежал, помог ему выбраться. Сержант встать не мог, сидел, прикрыв лицо руками. Между пальцами сочилась кровь.

— Врача, врача! — во всю силу души крикнул Башкин, желая перекричать зловещие раскаты сражения. — Помогите, помогите!

Надежда Сурикова выносила с поля битвы раненого артиллериста, когда услышала крик о помощи. Спустившись в траншею, врач в тревоге наклонилась:

— Михаил, родненький, что случилось? Покажи, куда ранен? В глаза? Ты ослеп? — она пыталась с необычно нежностью отнять его руки с лица.

— Это ты, Наденька, ягодка сладенька? — с любовью, пряча боль, произнес он. — Кто еще? Такие ласковые руки. Открою глаза — и увижу тебя! Увижу солнце! Ведь увижу? Как же я стану жить, если не буду видеть тебя, любимую?

Врач поняла, командир орудия контужен взрывом. Он ничего не слышал, ни себя, ни поля сражения. Он только чувствовал ее близость. И жил ею.

— Отними руки, — ласково попросила женщина от милосердия. — Только не спеши глаза открывать. Хорошо?

Она взяла ватку с йодом, стала осторожно очищать веки от осколочного стекла. Затем чисто промыла спиртом брови и лицо. Не чувствуя больше под чуткими пальцами опасно-

сти, колкого стекла, попросила открыть глаза.

Михаил Ершов принял отречение:

— Боюсь, — слепо улыбнулся сержант. — Боюсь, что больше не увижу тебя. И солнце.

— Увидишь, — заверила врач, сама не зная, насколько права. — Еще надоем! И я, и праздник света.

— О чем ты? — выразил волнение Ершов, блуждающе нащупав ее руки, в печали целуя. — Разве можешь ты надоесть? Страшно не это. *Страшно жить незрячим. Не видеть тебя. Вот что страшно.*

Женщина, решившись, сам разлепила ему глаза.

Со страхом спросила:

— Видишь?

Ершов закрыл глаза ладонями, медленно открыл:

— Вижу, Надя, вижу! — радостно воскликнул он. — Помоги встать!

Надежда подала руку, воин поднялся. И он совсем неожиданно взял ее на руки, закружил в ласковом вальсе у пушки. Но быстро обессилел, выпустил ее из рук, присел на станину. — Закружилась голова, — честно, с сожалением признался артиллерист.

— Ты контужен, ранен, потерял много крови. Надо срочно идти к реке Девица, на пункт эвакуации. Ночью придет пароход, повезем вас в госпиталь.

— Перевяжи мне голову, — тихо выговорил он. — И налей спирту. Я выпью.

Он выпил, поцеловал любимую:

— Иди! Раненые ждут тебя. Я останусь. Я не могу срочно! Прости! Я должен бить врага. Я обессилел, да. Потерял много крови. Но я еще не утратил честь и совесть! Я должен взять Семилуки. Такую клятву я дал себе и России. Иди, не то я заплачу. Уже подступают слезы.

— Почему заплачешь? — нежно спросила Надя Сурикова.

— Раны мучают?

— Зачем так спрашивать? Ты знаешь, почему? Я люблю тебя! И боюсь, что убьют! Если убьют, значит, вижу тебя в последний раз! Почему и плачу!

Он желал на прощание поцеловать ее в губы, но устыдился, и поцеловал руку, как джентльмен:

— Все, иди, ягодка! Тебя ждут раненые.

Любимая женщина сама поцеловала воина. И, взяв сумку с красным крестом, выбралась из траншеи, и как исчезла, истаяла в дыму, спеша к раненым на поле сражения.

Михаил Ершов громко крикнул:

— Живые есть в траншее?

— Есть, командир! — подбежал Башкин, глаза горели битвою, у груди держал пулемет; правая щека опалена красно-пороховыми вылетами пуль. — От фашистов отбиваюсь! Прут бешено. Как озверели.

Он подошел к пушке:

— Как голубушка? Отслужила? — он с любовью погладил остывший ствол.

— Живое! Чего станет? У пушки колеса на резине! Попрыгает, как царь-государь на балу, и снова, как с гуся вода! Но сильно разбит прицел!

— Разбит прицел! Разве это беда? — возликовал командир орудия. — Бьем враг прямою наводкою! Заряжай осколочным! Живо, гробину твою.

Башкин подтянулся:

— Слушаюсь! —

Снаряды понеслись в гущу врага. Смерть шла за смертью. Гитлеровцы растерялись. Они были уверены, что орудие, какое сдерживало наступление пехоты, уничтожено. И вдруг произошло невиданное чудо: пушка, загнанная в могилу, стала опять стрелять. Немецкое воинство в панике залегло.

Три танка-крестonosца развернулись и повелительно устремились на редут Ершова — Башкина. Ждать сближения не стали, открыть огонь издали, на поражение. Грозные стволы беспрестанно озарялись вспышками.

— Александр, живи верою! Выстоим! Или не победим? Выстоим! За Родину! За Сталина! Огонь! Огонь! — кричал во все поле битвы командир орудия, дабы не слышать в себе страха гибели.

Александр Башкин только успевал загонять в казенник снаряды и бить по танку, как прикажет командир; он все поле видел в бинокль, как полководец. Битва был немислимо трудная. Пока получалось ничего. Был подбит танк коман-

дирского танка, слышно было, как с грохотом слетела башня, он задымился, заиграл огнем.

Ершов ликовал:

— Молодчага! С тобою можно воевать.

Но танки-крестonosцы все крепче сжимали в петле редут Ершова — Башкина. Снаряды рвались у орудия щедро. Без устали стреляли пулеметы, но трассирующие пули растекались по щиту и пока не задевали героев. Но вскоре танковый снаряд оглушительно разорвался на площадке, у самого колеса. Пушка вздыбилась, и с силою толкнула Михаила Ершова на землю. Он упал, заливаясь кровью. Он еще жил и все старался подняться, но каждый раз по боли, обреченно падал на землю. Собрав последние силы, поднял голову, дико, невидимо посмотрел в пространство, вышепнул:

— Александр, держись! За Родину! За Сталина! — и упал Сашка, держись... — и упал лицом вниз.

Башкин не знал, убит командир орудия или не убит?

Он не мог ему помочь.

Танки были уже у позиции! Кровавая схватка ожесточилась. Воин один работал у пушки за пять артиллеристов. Носил снаряды, заряжал, наводил, стрелял.

— Врете, гады! Не возьмете! — нервно подбадривал он себя. И стрелял, стрелял.

А злобствующий враг все наседали и наседали. И страшен был его натиск. Все ближе подбирались танки, автоматчики, какие тучею бежали по всему полю, держась за железные по-

долы, бежали зверьем, полупьяные, и секли, секли из автоматов все живое. Они были настолько близко, что уже уверовали в победу, что возьмут живьем отчаянного храбреца. И надменно кричали:

— Рус, сдавай-с!

Страх гибели давно покинул Башкина. В сердце жила только ненависть к врагу. И жило желание больше взять с собою незваных пришельцев в вечность. Но страх, правда, тоже был, обжигал и мучил его. Страх попасть в плен. Сколько он в плену натерпелся, врагу не пожелаешь. Вспомнишь все муки, и ручьем льются слезы из глаз. Плена он боялся. И знал, больше враг не увидит его с поднятыми руками. Увидит только с простреленным сердцем.

— Я вам сдамся, — кричал он громовым голосом, подобно богу Перуну, во всю землю и во все небо, и знал, что немцы его не слышат. Но кричал громко, разгневанно. Так было легче, приятнее душе. — Сюда, ближе, сволочи! Возьмите! Я вам сдамся! Кровью поганую захлебнетесь.

И бил по врагу то из орудия, то из пулемета.

Но вот снаряд угадал в пушку. Взрывная волна вознесла Александра Башкина высоко в небо и бросила по боли, со стоном на Русскую землю. Он упал, и больше не шевельнулся. Если только вспомнил на прощание стихи поэта: *и сам не знаю, когда я умер, вчера или тысячу лет назад?*

Сколько Александр Башкин лежал, сжившись с вечностью, не помнит. Придя в себя, ощутил, жив: окающая смерть, неразлучная подружка солдата, еще раз пронеслась мимо. Он тревожно ощущал себя. Ран не было. И даже не контужен. Только стоит невероятная боль у сердца от падения на землю и в голове густится чудовищно-страшное гудение.

Он с могильного взгорка скатился в траншею, подполз к орудию. Величия было мало, одна грусть! Пушка была разбита. Возникла немыслимая жалость! Воин слышал, еще шла битва, и надо было брать пулемет и вливаться в пламя огня, но он не мог просто так покинуть исковерканное орудие. Он присел на ящик, обнял ствол. И, посидев, помучив себя по трауру, заплакал. Плакал долго, ибо долго не отступала строгая молитвенная печаль. Орудие было живое, родное существо! Он прощался с верным другом. Прощался на все времена. Прощался с командиром орудия, со всем остальными артиллеристами, кто пал в битве с крестоносцами смертью героя.

Он взял пулемет, что лежал у разбитого орудия, гранаты, и пополз на соседнюю батарею, так и не решив для себя, а где Михаил Ершов? Бились у пушки соборно! В могилу легли по отдельности! Он видел его могилу, но не мог разобрать, это погост? Или еще не погост? Некогда было наклониться, пощупать пульс! Три танка шли на батарею! Жизнь и смерть,

слились в самое крохотное мгновение!

После сам лег под траур! Явись пророком, уясни, где Михаил?

Взяли немцы? Попал в плен?

Башкина невольно, повелительно опалило жаром! Но вскоре в успокоение подумал: зачем немцам убитые? Если был ранен, то Надя Сурикова, его ангел, не могла не спасти воина.

Соседнее орудие оказалось комбатовским. Здесь располагался штаб командира батареи Ивана Мороза. Расчет у пушки убит. Смотреть страшно. Человеческие тела лежали валом, вразброс, были изувечены, лица залиты кровью. Комбат тоже погиб. Погиб ужасно. Острый веер осколков рассек шею, голова отделилась от тела и откатилась к лафету, покоилась в странном, безмолвном одиночестве дико и безобразно. Белокурые волосы, черные от крови, спутались, слиплись, и ветер безуспешно пытается растащить их, взметнуть. Глаза безжизненно смотрели в пространство, в их открытости застыла тяжелая печаль. Тело раздавлено колесом пушки, на груди зияла разорванная рана. То, что это тело капитана, он понял по двум орденам Красного Знамени, которые холодно отсвечивали эмалью на разорванной гимнастерке.

Страшно было смотреть и на остальное. Вокруг валялись пустые разбитые ящики, почерневшие от пороха гильзы, окровавленные обмотки, оторванные руки с зажатой грана-

тою. Он отошел к орудию, желая проверить: исправно ли? И у бруствера, в окопе, увидел связиста. Он сидел, уткнувшись лицом в рацию. С руки на проводе свисала телефонная трубка. Она жила, говорила. Тревожный голос без устали звал:

— Иван, родной, помоги огоньком! Рота гибнет! Не можем подняться! Иван, родной, помоги! Пропаши снарядами седьмой квадрат. Ребята гибнут!

Башкин живо взял трубку:

— Кто говорит? Слушаю вас.

— Иван? Ты? — живо встрепенулся голос в телефоне. — Ты куда пропал, родной? Бьюсь, а ты молчишь! Это я. Командир роты Павел Синица. Помоги огоньком, родной.

Башкин тихо вымолвил:

— Командир батареи капитан Иван Мороз пал смертью героя.

— Кто говорит? — донеслось требовательно.

— Командир батареи рядовой Александр Башкин!

— Браток, орудие стреляет?

— Еще не знаю. Щит не пробит, накатник не снесен. Затвор и прицел в целости.

— Пропаши седьмой квадрат! Залегли! Не можем подняться в атаку. Огонь пожирает людей. Танк стоит живым дотом. Не пускает. Помоги, милоч!

— Помогу! Но объясните проще, где он, седьмой квадрат, который надо пропахать? Командир убит, корректировщик убит. Я один.

— Можешь выглянуть, посмотри, где сосновое урочище. На опушке до башни вкопан танк! Мы не достаем, он не подпускает. Бьет из орудия, пулемета.

Башкин в каске осторожно выглянул из окопа. И едва в густоте порохового дыма разглядел фашистскую машину.

— Вижу, товарищ командир роты! Уберем дот, это нам в райское блаженство!

Он огляделся в поиске снарядов. Все ящики были пусты. Заглянул в землянку командира батареи. И обнаружил то, что искал! Загнал снаряд в казенник, приник к прицелу и стал вращать маховик поворота. Выбить танк было сложно, даже невозможно. Он зарыт в землю. Попадаешь в танк, снаряд зарывается в землю. Попадаешь в башню, снаряд скользит по крышке башни и улетает в сладостное пространство. *Почему в сладостное? На мгновение прожил больше.*

На поле битвы танк сразить проще. Он в движение, тут, кто кого? У кого сильнее нервы, талант воина, тот и пан!

Башкин смело вступил в дуэль с крестоносцем, И уничтожил крепость. Пришлось истратить, спалить десять снарядов. Но святое дело свершилось.

Он услышал, как рота Павла Синицы поднялась в атаку, оглашая поле битвы раскатистыми криками: «Ура! За Родину! За Сталина!»

Великая радость ожила в сердце воина.

Нашлось время, оглянуться. Время близилось к вечеру, но оба воинства, и русское воинство, и немецкое, и не дума-

ли уступать друг другу. Оставалось только удивляться, где изыскивались силы? Скорее, бесконечен человек в силе, как Вселенная, ибо плоть ее.

Теперь Александр Башкин бился за всю батарею. Он один, совершенно один, сдерживал танки с черными крестами, полупьяную, взвинченную пехоту. Немцы заметили смельчака, открыли по его орудию губительный огонь. Биться пришлось с тьмою драконов! И он бился, пока была сила, пока было везение. *Сам по себе воин не был плотью от Ильи Муромца, он был тонок, гибок, как тростинка, но сила духа была ока-янная, и, несомненно, заложена богами Руси! И, несомненно, нес еще в себе талант полководца! На поле битвы он изыскивал чувством пророка тот танк, кто нес ему опасность. И вышибал его, вышибал свою гибель! опережал!*

Воин Руси # это искусство!

Он сам заряжал пушку, сам наводил, сам стрелял! И если получалось, ликовал: «За Родину, вам! За Сталина!» Но вот снаряд громом ударил в пушку, пробил щит, вывалился к лафету. Но не взорвался. Почему не взорвался, как и в лесу под Медынью, — можно только гадать. Взорвался бы, от смельчака ничего не осталось. Исчез бы с земли без молитвы могилы! Как дивное видение. Без осмысления смерти!

Не успев испугаться, Башкин, посмотрел на снаряд, прикинул для себя: взорвется, не взорвется? Оставит ему пушку, не оставит? Стоит ли искать спасения? Решил, стоит! И стал торопливо отползать от орудия, от еще не взорванного

гостинца, в котором таилась загадка его гибели.

Загадка его спасения.

Загадка его воскресения.

Воин Башкин отполз вовремя. По редуту оглушительно, сильно разгоняя всплески огня, ударил танковый снаряд, и орудие горестно, скорбно взлетело в небо, где плыли облака, и опало грудю железа. Не отползи, и кто знает, как бы дальше сложилась жизнь воина?

Ничего не оставалось Александру, как снова взять ручной пулемет с дисками, и влиться в роту Павла Синицы. Его ратники смело поднялись в контратаку, желая подальше от деревни отогнать фашиста! Впереди роты шел капитан, держа высоко в руке пистолет.

Сошлись врукопашную, сошлись мгновенно. Бились люто, молча. Только слышались людские хрипы, придушенные стоны. Никто не уступал в упорстве, мужестве.

Александр Башкин дрался в самой гуще врагов. Он любил эту грубую солдатскую работу. Там, на смоленской земле, при первом боевом крещении было страшно. И неприятно убивать вблизи. Враг, конечно, есть враг. Никто не звал его на святую Русь. Сам пришел, самозванцем! Без жалости убивал, жег города и деревни. Но враг вблизи — был человек! Со своими чувствами, тревогами и печальями, с живым сердцем, в котором трепетно и изумленно билась любовь к жизни. И убивать его, насаживать на штык, разбивать прикладом голову было мучительно трудно.

Башкин не слышал себя убийцею, не слышал в себе разбойничьи посвисты атамана Кудеяра, желание по рукоять всаживать в жертву, под сердце, финский нож. В войне жила жалость за чужую человеческую жизнь! Тревожилась неумная печаль, если видел чужую боль, чужую смерть.

Он был русским человеком! Он был до величия и загадки русским человеком! Он был растворен в Руси, как синь неба! И в первый раз, в Ярцево, вернувшись из штыкового боя, он долго стоял, прислонившись щекою к березе, смотрел на звезды в ночное время, стремясь унять мятежность в сердце, проклятую жалость к тем, кого он убил. Он сутки не мог надкусить хлеб, съесть ложку каши из солдатского котелка. Потом пообвык. Смирился с короною мстителя! Помогла лютая ненависть к фашисту за поруганную Русскую Землю, какую он любил с необычною силою. Воин знал кулачные бои, на Руси любили ходить деревня на деревню! И еще жило осмысление: *если не ты, значит тебя!* И теперь воин бился ловко, где кулаком, где гранатою, где штыком.

За ротою Павла Синицы поднялась вся дивизия! Вернее, то, что от дивизии осталось!

Гитлеровцы, как не бились, но отступили в свою деревню, отступили туда, откуда начали штурм. И снова встали тем же щитом у города Семилуки!

Крепость Русского Воинства выстояла. Воины пели и ликовали, радостно махали касками, обнимали друг друга. Прокопченные пороховым дымом лица сияли счастьем. Тяжело далась победа, но далась! Казалось, и каждая луговая былинка, не сгоревшая в огне пожарищ, радовалась вместе с людьми, гордо распрямляясь на ветру, сладостно покачиваясь в бестревожном мире. И березы теперь не ощущали сиротливости, по ласке тянулись к солнцу, с полной щедростью укрывали от зноя зелеными ветками притомленную русскую рать.

Мгновение боя было равно само по себе прожитой жизни!
Спасибо, Русь, что сберегла!

Но битва еще не закончилась. Город Сталина был в опасности! Верховная Ставка наполняла ослабленную дивизию соками жизни. На ее вооружение поступили самолеты и танки, полевая артиллерия, стрелковые роты. На таком военном перекрестье и встретил Александр Башкин своего командира орудия Михаила Ершова.

Он в радости толкнул его плечом:

— Вы ли, товарищ командир?

Сержант обернулся:

— Башкин? Ты? Жив? — он тоже выразил изумление.

— Скажи, где встретились? На пути к Берлину!

— Вижу вас. И не верю. Значит, живы?

— Жив, Александр!

— Просто чудо! Когда снаряд разорвался у пушки, и вы

упали на землю распятым, подумал все. Звал врача, а сам не мог помочь. Отбивался от танков.

— Получается, еще раз спас, гробину твою! Не пустил танки на позицию. Погуляли бы гусеницы! — он обнял воина. — Надежда, любовь моя, разыскала и раскопала. Уже в усыпальнице! Отправила в госпиталь. Восемь ран насчитали, весь перебинтован. Как чучело.

— Так быстро выписали?

— Выписали? Ха! Сбежал! После Берлина долечусь! Как ты, Александр? Где воюешь?

— В пехоте у Павла Синицы!

— Пойдешь ко мне наводчиком?

— Надо спросить у командира! Как решит?

— Спрашивать? У пехоты? — рассмеялся командир орудия. — Ты с лафета прыгнул? Твоя пехота по полю черепахою ползает, а я над полем огненными птицами летаю! Удивляешь, гробину твою! Сам согласен? С командиром договарюсь. Орудие я получил новенькое. Сам выбирал. Вместе встанем щитом к Сталинграду. Договорились?

Тем временем в штабе дивизии шла напряженная работа, как сокрушить оборону города Семилуки? На карту нанесли синие стрелы наступления, трехкратно проверенные расчетами и военной наукою.

Сам он покоился на холме. И мирно, упоительно грелся под лучами золотистого солнца. В изгибе плавно текла река Девица, впадающая в Дон. Тихо плескались на волне рыба-

чьи лодки. Близко к окраине подступали густые хвойные леса. Видны яблоневые сады, бегущие по полю тропинки. Все жило покоем, несло ощущение красоты жизни. Ничего не говорило о том, что в русском древнем городе затаились фашисты.

И только рассматривая город в бинокли, можно было увидеть сооружения дотов и дзотов, какие грозно блестели сталью. В каждом форту-крепости стояли танки, артиллерия. Открывались взору бесконечные траншеи для пехоты, опутанные колючею проволокою. Все надо было снести, сокрушить в штурме.

Дивизия жила в окопе, ждала зова военной трубы! Немцы веселились, играли на патефоне русские песни, усиленные репродуктором, громко, смеясь, кричали:

— Русс, чего остановился? Иди на побоище. Будем звериную кровь пускать! Боишься? Ты же дикарь, смерти не чувствуешь!

Довольно, пьяно хохотали. И снова заводили во всеуслышание задорную «барыню» или разудалую песню: «Окрасился месяц багрянцем».

И опять кричали, глумились:

— Как, русс? Нравится похоронная музыка? Слушай, пока не лег в усыпальницу! На том свете не сыграем!

И снова уходили в скоморошество, в глумливое, оскорбительное потешество.

Воины в тоске и обиде хмурились, еще крепче сжимали

оружие. Михаил Ершов в горькой злобе сжимал кулаки:

— Рассыпались в звоннице, гробина твою! Ничего, еще покричите майн гот, фрицы подлые.

Наступило утро пятого июля.

Вокруг стояло чарующе безмолвие. По ласке и радости всходило солнце. На березе весело пели иволги. На зеленом крутогорье гудели пчелы и шмели, блаженно летали бабочки. С реки доносились крики чаек. Ветер от росы освежал лики воина Руси, что сидел в окопе, сжав автомат.

И все в мгновение разрушилось!

В небо взлетели долгожданные красноезвездные бомбардировщики и обрушили страшный бомбовый удар на город Семилуки. И в мгновение по обороне немцев ударила полковая артиллерия. Орудия били непрерывно, с одержимым упрямством, била залпами, глубоко пропахивая ее снарядами, сокрушая доты и дзоты, заливая шквальным огнем траншеи. Неумолимая смерть закружила, забушевала над воинством самозваного завоевателя! Снаряды били в цель. В бинокль можно разглядеть, как немцы обреченно мечутся в огне и дыме, мечутся, как звери, попав в западню, на отстрел, а неумолчные выстрелы все бьют и бьют. Раненные пытаются встать с земли, отползти в укрытие, но, сраженные снарядами, обессиленно падают, ползут дальше, громко стонут. В гибели извиваются, как на хворосте, на костре. И, наконец, замирают, обняв на прощание чужую землю, какую пришли завоевать, и какая оказалась не даром от Бога, а даром от

Мефистофеля, и востребовалась для захоронения, для гробницы!

Ужели бы в Германии земли на то не нашлось?

В грохочущее пространство взвились две красные ракеты. Командиры рот выпрыгнули на бруствер, обнажили пистолеты, взмахнули ими.

Тихо произнесли:

— Пошли, братушки!

Вся дивизия поднялась как смерч. Войска двигались за танками стремительною цепью, гулом перекатывалось от края до края: «За Родину! За Сталина!» Теперь для воина Руси не существовало смерти. И не было ничего невозможного. Под тяжестью людского движения гнулась земля.

Первыми шли штурмовые отряды, собранные из добровольцев. Те самые руссы, которые от века были в каждом воинстве. Они шли обреченно, мертвенно под градом пуль и снарядов, дабы расчистить крестный путь остальному войску. И в то же время шли гордо, как сказочная рать, осененная дивным светом от осознания своего величия, святого дела. Им предстояло взломать линию обороны, первыми столкнуться, сбиться врукопашную с немцами.

И уничтожить!

Ценою жизни!

Именно такие ратники были на Куликовом поле, кто шел первым, шел жертвенно, во имя Руси, на дуэль и на эшафот,

прорубая мечом и топором коридор для прохода остального воинства!

В вечность падали все войны, вся рать!

И теперь штурмовые отряды ворвались в окопы врага, как гордая, мстительная сила! Смерть для героев ничего не значила! Святую, жертвенную рать на подвиг вел командир роты Павел Сеница. На немцев обрушился ливень огня! Строчили пулеметы и автоматы, рвались гранаты. Штурмовая рать ввязались врукопашную во всю глубину траншеи. Падали сраженные штыком, пулею, гранатой и гунны, и руссы! Земляные стенки ее залились кровью. Вокруг жило безумие — крики ярости, стоны умирающего, звон стальных касок, разрывы гранат, ураганный ливень огня. Страшно взметывались над окопами окровавленные штыки и кинжалы, вынутые из человека.

Вокруг, вокруг было пиршество боли!

Пиршество смерти!

Руссы оказались крепче. Немцы бежали.

Командир роты Павел Сеница, зажимая сердце, пронзенное пулею, все пытался сдержать кровь, но все больше слабел и слабел. Но еще изыскивал силы, прощаясь с жизнью, без ненависти кричать убегающим фашистам:

— Что, голубятники, побесновались со своим фюрером? Пустили звериную кровь? Как вам показалась похоронная музыка у гробницы со свастикою а, дикари? Такая вам «барыня» на Руси! — Он качнулся, земля тоже качнулась, побе-

жала каруселью, все быстрее, быстрее, разжигая перед глазами огненные нимбы, самого усиленно загоняя в огненное кружение. Кружение сжалось до петли, сдавило дыхание, и сердце воина-героя остановилось.

Но он еще успел крикнуть:

— За Родину! За Сталина! — и гулко рухнул на дно траншеи погасшею Вселенною.

Рядом со своими ратниками! Они тоже превратились в камень, в птиц, ушли в бессмертие.

Но сумели сломать, разрушить оборону! Все русское воинство, перескакивая через траншею, заваленную гуннами, устремилась мстительным половодьем на штурм города. Ожесточенные бои развернулись за каждый дом, улицу, площадь.

Орудие Ершова — Башкина тоже билось в первом ряду наступающего воинства. Воины вели битву под градом пуль и снарядов, окутанные огнем, пороховым дымом. Башкин как наводчик, воевал на нервном пределе: мастерски ловил перекрестье прицела врага, нажимал на гашетку и слал снаряд за снарядом. От выстрелов горели танки, с грохотом взлетали пушки и люди, рушились дома. Красная кирпичная пыль разъедала легкие. Дыхание обжигало, как у костра! Губы ссохлись, спеклись. Но выпить глоток прохладной воды было невозможно. Огненная карусель крутилась, не зная остановки! Выпадешь из битвы, и в мгновение затянет в водоворот, унесет в вечность.

Командир орудия наметанным глазом высматривал в бинокль цель, указывал, каким снарядом заряжать. И командовал в отчаянной, мстительной радости:

— Огонь! Огонь!

И если получалось удачно, хвалил:

— Умница! Скажи, Александр, за что я тебя люблю?

Враг не ожидал такого беспощадного натиска. Сторожевая крепость разламывалась неумолимо. Становилась эшафотом и гробницей для воинства. Генерал гитлеровской армии Август фон Роттенберг в панике запросил помощи. Вильгельм Паулюс, кто должен был взять город Сталина, в мгновение отозвался.

На Семилуки гордо-неостановимым маршем помчалась отборная танковая дивизия СС «Тотен Копф», что означает «Мертвая голова». Свежие эсэсовские танки, броней в тысячу пудов, с боем преодолели линию заградительного огня, вступили в город, окружили стрелковые батальоны и роты, и обрушили удар невыносимой силы, заливая руссов гибельною лавиною огня. Заезжали на улицы и беззащитно, безжалостно давили гусеницами залегшую пехоту. Были смельчаки, поднимались, как буревестники над седою пучиною моря, звали воинов в атаку, но через траурное мгновение падали за русскую землю, перерезанные пулеметною очередью из танка.

Дивизия залилась кровью. Гибла, истаивала. Поступил приказ: отступить! И она стала, отстреливаясь, в скорби от-

ходить, откатываться на круги своя. Оставались в заслоне добровольцы, жертвенники, чаще комиссары, с маленьким гарнизоном. Герои, оседали в развалине дома и били по танкам из противотанкового ружья, забрасывали зажигательными бутылками. Попадал снаряд и все руссы погребались в гробнице из красного кирпича, Кто оставался жив, ползли со связкою гранат наперекор грозной машине *и взрывали в страшном грохоте ее и себя*. Такая была жертвенность! И такая святая жертвенность была во имя того, дабы спасти отступающую дивизию, дабы ее не настигли на марше танки, не намотали героев-страдальцев на гусеницы.

Орудие Михаила Ершова еще вело битву.

Александр Башкин напомнил:

— Пора отходить, командир! Остаемся в одиночестве. Одно орудие и тьма танков, это битва от бессмыслицы!

Но Ершов только крикнул в ярости:

— Заряжать бронебойными! Живо! Выбить танк со свастикой у дома Советов! Огонь!

Башкин нажал на пуск, снаряд вылетел в мгновение, со свистящим воем, с огнем. Но в танк снова не попал! Снаряд ударился в угол здания, раскрошил его в камень.

— Ты чего? Как стреляешь? — взбеленился командир орудия. И в злобной ярости подал команду: — Заряжать еще для танка!

Гаяс Футтидинов нес снаряд, остановился:

— Командир, зачем кричишь на Александра? Он прав!

Надо отходить! Разве не было приказа?

— Куда отходить, Гаяс? Ты только прибыл на батарею, а уже рассуждаешь, как Цезарь! Тебя, что, в Казани учили только отступать?

Лицо Гаяса залилось кровью:

— Гаяса в Казани учили бить по глазам, если его обижают! Ты командир, а не видишь, орудие не выиграть дуэль! Танк за зданием, выглянул, выстрелил, снова в укрытие. Зачем напрасная гибель? Скажи, Александр!

Воин Башкин поддержал артиллериста:

— Гаяс прав, командир! Танк вне сектора обстрела. Его пушкой не взять. Битва в Семилуки для нас окончена!

Командир орудия упрямо стоял на своем:

— Я смотрю, вы оба Цезарь! Мы на прицеле у танка! Развернемся, срежет в мгновение! И попятимся раком, срежет в мгновение! Будем ждать, когда расстреляют, как зайцев в половодье?

Башкин поправил каску:

— Ждать не надо. Но немножко обождать надо! Затайтесь, я попробую с командиром танка договориться. Как взлетит в русское небо салют, катите пушку по шоссе! Там лес. Я догоню.

Ершов смягчил сердце:

— Может, не след? Срежет! Как я без тебя, в сиротстве, на Берлин свою артиллерию поведу?

Башкин взял противотанковые гранаты:

— В чем сила охотника? Немец уверовал, русс это дикарь. Без разума! Я его и бью по хитрости с близкого расстояния, где он не ожидает!

Воин Башкин неслышно, как змея, сполз с редута и затаился за разбитым поваленным трамваем. И стал прикидывать, как невидимкою пробраться к дому Советов, выбить танк? И надо такому случиться, командир немецкого танка увидел, что орудие не стреляет, рассудил для себя, — наказал русса, приговорил к гибели. И направился к линии фронта, где гнали русское воинство, как сивую упрямую кобылу, вдоль и поперек иссякая ее пастушым кнутом. Путь его из города пролегал только по рельсам, где у разбитого трамвая как раз и затаился русс-охотник.

Его зловещая поступь становилась все ближе. Гуд от гусениц был дик и страшен. Каменно-булыжная мостовая, едва танк съезжал с трамвайного пути, сотрясалась так, словно дьяволы, что провинились перед Мефистофелем, били и били в наказание под землею в подвешенные стальные рельсы. Башкин боялся одного, как бы танк не обнаружил его раньше, чем надо! Он был открыт, незащищен, — выстрел, и имени не останется. Выждав время, когда танк промчит мимо, бросил вслед гранату. Командир не ожидал охотника, и кто его мог ожидать, если дивизия руссов билась в окружении городом? Танк нервно вздрогнул, занялся огнем. И вскоре во всю Вселенную прогремел взрыв. Обожженные немцы с криками, стонами выпрыгивали из люка, из пламени огня.

Воин-русс не стал расстреливать страдальцев, не было времени, и появилась жалость.

VIII

Дивизия вернулась на исходные позиции, с болью вынося из огня убитого воина и раненого. Суровы были лики. Мрачность владела сердцем. Но жили еще, не истребились святые чувства: защитить город Сталина и Россию.

Похоронив в братской могиле героев, воздав им честь троекратным прощальным ружейным салютом, воины у деревни Святые горки стали незамедлительно выстраивать оборонительные бастионы, рыть траншеи, натирая ладони до боли, до крови. Надо было скорее, скорее успеть, пока на Русь не упали звездные миры.

Не успели! Не воздвигли на вершине холма неприступную крепость.

Сражение началось восьмого июля. На рассвете, когда земля и небо были напоены тишиною, по позициям русского воинства, набатно, повелительно ударила немецкая артиллерия. Над полем битвы могильно опустились темные, тяжелые тучи.

Снаряды рвались со страшным воем, все вокруг ревело и стонало! Гибельным половодьем разнеслось по земле руссов огненное пламя! Вскоре налетели эскадрильи бомбардировщиков и, отвесно пикируя, завалили еще бомбами окопы и

траншеи. Рассвет ушел во тьму! Жизнь ушла в смерть! Отовсюду слышались крики проклятия, стоны! Скорбными ручьями текла кровь! От падения бомб, люди сходили с ума, выскакивали из окопа, в злобе, в бешенстве рвали на груди гимнастерку, и кричали, глядя в небо безумными глазами, какие были еще переполнены болью и слезами: «Фашист, стреляй! Вот он я, Иван! Я тебя хрен боюсь!» Его стаскивали в окоп, связывали ремнями, успокаивали. Были и те, кто в страхе, предательски бежал с поля битвы, его тут же расстреливали.

Расчет старшего сержанта Ершова затаенно отсиживался в воронке, расположившись вокруг пушки. Сверху бастион не просматривался, он был укрыт сетью, какая сплетена из травы и сливалась с обгорелою травой взгорья. Все артиллеристы погружены в себя. Один Гаяс из Казани рассуждал по горечи:

— Где справедливость? Куда смотрит аллах? У тевтонцев самолеты танки, а у нас только мужество!

Горечь Возражения не последовало. По радиии на все батареи вознеслась суровая команда полковника Ильи Орешникова:

— Орудия к бою! Из города Семилуки вышли вражеские танки, с автоматчиками. Именем Родины, приказываю задержать и сокрушить фашиста!

Танки шли тяжелою броней. Земля содрогалась от гуда моторов, чугунного лязга гусениц.

— Горячо будет, — выразил мнение Михаил Ершов, помогая выкатить длинноствольную пушку ближе к краю окопа.

Едва танки-крестоносцы вошли в зону поражения, артиллеристы открыли огонь. Завязалась кровавая дуэль. Двое суток отважные руссы отбивали злые атаки врага! Горели сбитые самолеты, горели танки с черными крестами; все поле сражения было усеяно немецким воинством. Но штурм натиска фашисты не ослабляли! Силы руссов таяли и таяли! И крепость у деревни Святые горки пала! Ее окружили и рассекли танковые дивизии СС генерала Вильгельма Паулюса! Русское воинство с печалью, со слезами стало отступать к Дону. На позиции, на холме, осталось только одно орудие, орудие Ершова — Башкина. Увлеченные битвою, артиллеристы не услышали приказа командира дивизиона полковника Ильи Орешникова об отступлении, и героически продолжали биться с танками-крестоносцами. Тьма танков горело у позиции, но еще больше танков напоздало грозною лавиною на орудие сержанта Михаила Ершова. И только, когда зеленые драконы окружили холм-бастион и немецкие автоматчики стали все ближе подниматься к орудью, когда слышались игривые крики «Русс-Иван, сдавай-с! Будем шнапс пить!» — он со страхом осознал, что ведет дуэль с танками один на один.

Командир орудия подзвал к себе воинов:

— Братья, мы окружены! Нам не сдержать зеленые, огне-

дышащие драконы! Скоро погибнем, все погибнем, — честно и по печали произнес он. — Я принял решение вызвать огонь на себя! Погибать, так с музыкою! Больше с собою возьмем фашистов.

Он помолчал:

— Но можно и выбросить белый флаг! Сдаться фашисту, на милость победителя! Что выбираем?

Боевые товарищи переглянулись. И поняли друг друга без слов. И зачем они, слова? Ужели воин Руси может добровольно поднять руки перед драконом?

Башкин тихо произнес:

— *А он, мятежный, просит бури! Будто в буре есть покой!*

Михаил взглянул на воина из Казани:

— Не сердись, Гаяс! Видишь вербу на краю холма, там узкая тропа-горловина. Можешь проскочить, мы прикроем!

Боец сложил ладони, прижал к груди:

— В Коране записано: бросить брата в беде — смертный грех. Оставлю вас, аллах в рай не пустит. Поразмысли, командир, могу ли я нарушить волю владыки Вселенной?

Все обнялись, как родные братья, поцеловались, на мгновение застыли в прощании.

Сержант вызвал по рации командира дивизиона:

— Товарищ полковник, командир орудия сержант Ершов! Мы по вашему приказу не успели покинуть бастион! У пушки разбито колесо. Отражаем атаки танков. Их тьма, несмет-

ная сила! Вызываю огонь на себя! Мы на высоте тридцать семь дробь восемнадцать. Ударьте «Катюшами»!

Командир дивизиона не сдержал гнева:

— Кто позволил напрасно губить людей? Взорвал бы орудие и отошел! Вернешься, отдам под суд военного трибунала! За неисполнение приказа! И лично расстреляю!

— Каюсь, виновен! Теперь чего? Судите, казните, — но лучше помните! Прерываю связь! Танки уже у орудия! Вызываю огонь на себя! Вы слышите?

Воины орудия Михаила Ершова повели последнюю, прощальную битву!

Оглянувшись, командир не в мгновение поверил. На холм-бастион заползла врач Надежда Сурикова, и теперь старательно очищала от прилипшей травы гимнастерку, санитарную сумку и колени.

— Ты? Не привидение?

— Я, Миша! Не крестись. Загружала в автобус с поля битвы раненую рать, слышу, вдали стреляет орудие. Сердце забилось скорбно и обреченно, я поняла: это ты. Я не могла тебя оставить в беде.

Михаил Ершов сильно расстроился:

— Какая глупость, какая глупость! Мы же жертвенники? Ты безвинность! Зачем тебе траурное песнопение? Хор плакальщиц? И хор горевестниц? Зачем? Немедленно уходи! У орудия скоро будут немцы! И еще ударят «Катюши»! Мы бьемся у орудия, как у вырытой могилы! Слышишь? Во имя

любви! Во имя памяти обо мне, о Мишке Ершове, спаси себя, спаси!

Он посмотрел в бинокль:

— Александр, секи того, что у орудия, наглого! И он перекроет путь танкам к орудию!

Башкин махнул пот с лица:

— Его и вышибаю, командир! И вышибу! Даром жизнь не отдам! Уже три танка загнал в траур!

Снаряды у орудия рвались густо. И не знали остановки! Словно исполняли и исполняли траурную симфонию на эшафоте героев! Один снаряд со страшным, губительным воем разорвался рядом с врачом! Михаил обнял женщину; защитил собою. Когда осколки осыпались губительным дождем, командир орудия взялся за сердце. Между пальцами сочилась кровь.

Надежда Сурикова отняла ладонь:

— Куда ранило? Надо посмотреть! — и стала живо расстегивать гимнастерку.

Михаил взбеленился:

— Наденька, ягодка сладенька. Иди ты к чертовой матери! Уходи, я прошу тебя! Какие осмотры? Танки у орудия! Иди, живи! Мы умрем! Зачем и тебе с безумцами?

Надежда по печали смахнула слезу:

— Миша не гони! И куда теперь? Мы окружены.

— Хорошо, окружены! Но плакать зачем? Слез еще не хватало! Мне больно, когда плачет женщина!

— И мне больно, Миша, с тобою расставаться! Больно! Не могла я сбежать от любимого, зная, что ты остался биться с врагом! Я люблю! И, значит, умрем вместе. Жили вместе, и в могиле будем лежать вместе, в обнимку!

Михаил поцеловал ее руку:

— Чудеса! Господи, останься я живым, как бы тебя любил! и все же, зачем тебе оставаться? Ты мать, дарительница жизни! Зачем тебе обреченность? И подумать, мы умрем, кто еще поставит в церкви свечу памяти? Кто еще придет к деревне Святые горки в траурной вуали, возложит цветы на братскую могилу на холме?

Михаил говорил с остановками, его все больше оставляли силы, кровь из раны лилась неумолимо. Врач Надежда Сурикова перебинтовала ему грудь, и по ласке, как целительница, поцеловала бинты на груди. рану.

Он ласково оттолкнул ее, шатаясь, подошел к краю окопа и стал рассматривать в бинокль поле битвы.

— Умно бьешь, Александр! Перекрыл танкам путь к орудию! Может еще, и отобьемся!

— Дракона, может, и отобьем, да зверья много! Ползут, лезут, какая ненасытная зеленая саранча!

Фрицы и в самом деле неумолимо, карабкались по холму, желая взять храбрецов живыми. Танки подступили уже к бастиону. И воины-жертвенники стали отбиваться гранатами. И тут по бастиону ударили русские «Катюши». Неистовое

море огня затопило вражеские танки. Побоище было страшным! Танки горели во все земное пространство гибельно-обреченными костры, словно были не от земли, а от неба, и сброшены богами Руси из Вселенной.

Снаряды вокруг орудия рвались беспрерывно. Высота Михаила Ершова теперь жила, как огненный остров в пространстве. Вот Гаяс, смельчак-жертвенник из Казани, взялся за голову, застонал, испытав прощальную земную боль, и рухнул на землю, как Колос Любви и Жизни, подрезанный серпом.

Командир орудия сам стал подносить снаряды и лихо загружать в казенник, и не забывал командовать:

— Александр, беглым огнем! Огонь! Огонь!

Но вот Михаил Ершов споткнулся на полпути, зашатался, упал на колени, и ползком загнал снаряд в ствол орудия, со стоном взялся за сердце, сдерживая кровь, — и рухнул на землю, на разбросанные гильзы. Но он еще жил, чувствовал себя, в его умирающем сердце билась неистребимая любовь к жизни! В последнем отчаянном порыве он сумел приподняться, бледные губы вышепнули:

— Прощай, Наденька, ягодка сладенька, прощай, любовь!

Он дышал шумно и дико. С сумасшедшим хрипом. И силился еще произнести нежные, ласковые, прощальные слова. Но не успел. Разорвался еще танковый снаряд и горячие, острые осколки густо осыпали и разорвали его тело.

— Миша, родненький, куда ты? — горьким, молитвенным

криком вознеслась над огненным миром Надежда Сурикова.

Любимая женщина всего и знала счастья три дня и три ночи, теперь по боли, по печали обняла званого мужа, и стала целовать в холодные губы:

— Миша, миленький, родненький, нет. Нет! Ты не убит! Ты живой. Если убит, воскреснешь. Я сумею, я исцелю тебя, — рыдая, скорее в беспмятстве, приговаривала женщина. И в этот момент ее сразила пулеметная очередь. Она по-женски виновато и беспомощно вскрикнула, как издала прощальный лебединый трубный клик и упала рядом с Михаилом. Крепко обняла его, словно прикрыла лебединым крылом. И обессилено, еще слыша в себе мучительное расставание, или воссоединение с любимым, опустила голову на его грудь, мокрую от липкой крови, ее слез. И вместе, на одной ладье, вознеслись в вечность, в свое бессмертие любви.

Но битва еще не была окончена. Фашисты озверели. Они в пламени огня «Катюш» лезли и лезли на высоту, карабкались по ее скользким склонам, цепляясь за чертополох, обгоревшие цветы и травы, проваливаясь в воронки от снарядов, крест-накрест простреливая ее автоматными очередями. И было трудно понять эту исступленность, это дикое предсмертное желание отвоевать и сокрушить редут, который и так, сам по себе, был жертвенно обречен. Защищал его один Башкин. Он стрелял и стрелял из орудия, выплескивая в пламени снаряды из багрово раскаленного ствола, не зная ни секунды промедления, когда удачно, когда не совсем, по-

ражая танки и пехоту. Русский богатырь-ратник был весь в бою. Воевал в полный рост, не жалея себя, не страшась ни пуль, ни снарядов, не опасаясь смерти. Воевал жертвенно, как смертник, знающий, что это его последнее и решительное сражение, что в такой огненной свистопляске не выживет даже дьявол.

Немцы пытались взять его живым. Они любили героев, чтили смелость и храбрость. И так учили воевать своих солдат. На живом явлении. И теперь по-своему берегли его. Стараясь не убить, а ранить. Башкин же отбивался из последних сил.

И кричал:

— За Родину! За Сталина! – и без милосердия крушил из автомата фашиста.

Кончались патроны, в ход шли гранаты. Когда кончились и они, он встал у края окопа, окруженный пламенем огня, кочующими клубами порохового дыма, подставил разгоряченное лицо освежающему ветру. Сердце бешено стучало, разнося по телу мучительную усталость и боль. Вскоре все это исчезло. Пришло успокоение, просветленное, чудотворное. Он достал последнюю осколочную гранату, не торопясь, снял с чеки, зажал в кулаке. И стал по покою ждать, когда на редут поднимутся фашисты, чтобы взорвать себя, орудие. И несметную подступающую силу. Горланистые крики были слышны уже рядом.

Поединок завершен.

Вскоре завершится жизнь.

Это его последняя дуэль, теперь он шагнет в свою тьму, в свою смерть.

В свое таинство.

Мысли были чистые, изумительно чистые. Ни жалости к себе, ни раскаяния за прожитую жизнь, ни страха гибели и вечности. Полное самоотречение от всего. Но ощущение жизни было. Лучи солнца, пробиваясь сквозь густые тучи дыма, грели голову в каске, ласкали плечи и руки. Он даже посмотрел в небо, в колодец дыма, на плывущие облака и солнце. И о милости подумал: хорошо было бы умереть по-русски, под иконою Казанской Богоматери, с прощально горевшими свечами, в русской вышитой рубашке.

Умирать же приходится не так, в одиночестве, в изодранной, прожженной гимнастерке. Стоя в пламени костра, отчаянно задыхаясь в расхристаном летающем пороховом дыму. Вдали от дома, от матери. От девочки Капитолины с двумя косичками, какую теперь видел идущую с коромыслом на плече и двумя полными ведрами воды, взятыми из колодца!

Видеть девочку-россиянку, было чудом из чудес!

Такая благословенность, такое видение могло быть только от Бога!

На прощание с землею!

На прощание с жизнью!

Поняв, что орудие больше не стреляет, немцев смело вошли на бастион. Александр Башкин ждал мгновение, дабы

взорвать себя и врага. Но в это время рядом разорвался снаряд, и взрывная волна отбросила воина далеко в сторону от исковерканной пушки, и он сам по себе покатился с косогора на равнину, к стоящим у озера вербам.

И все, больше не поднялся.

Ушел в смерть.

IX

Брянский фронт был окружен танковыми армиями Гудериана, рассечен, разгромлен, истерзан гусеницами танков. И отступал от города Семилуки к Сталинграду. Поля, где шли жестокие битвы, какие были густо омыты кровью, досыта напитаны стоном, болями и мужеством, понесли печаль сиротливости и скорбные, скорбные во всю Русь братские могилы.

Отступая, солдаты шли по жаре, шли, молча, испытывая неукротимую боль и печаль, и по тяжести несли на себе пулеметы «Максим», противотанковые ружья, гранатометы, ящики с патронами, с трудом выплевывая дорожную пыль, какая забивала легкие. На гимнастерке, как севшие белые голуби, выступала соль. Не легче было и артиллеристам полковника Ильи Орешникова. Все лошади были убиты в сражении. И теперь на себе приходилось тянуть орудия, впрягшись бурлаками в лямки, обливаясь потом, разрывая жилы. Раненые шли рядом, опираясь на осиновый посох, на плечо товарища, тихо постанывая от ран, от боли, оставляя на зем-

ле кровавые следы.

Вместе со всеми катил орудие, натирая плечи до слез и крови Александр Башкин. Трудно сказать, какие боги опять спасли его, земные или небесные? Невозможно объяснить его невероятную живучесть, его воскресение! Что ни битва, где от пуль, от танка, он гибнет и гибнет, как Христос на Голгофе, и как он, неумолимо воскресает и воскресает! Поневоле начинаешь думать, есть, есть невидимая, загадочная, милосердная связка между Вселенною и каждым человеком на земле! *Где от века, на тысячи лет расписано, кому жить под пулями в битве, кому умирать? Не хочется верить, что вся невероятная, земная, милосердная живучесть Александра Башкина # от случая! Даже пусть от случая, все едино это # загадка!*

Но раздумье раздумьем, а правда правдою. Смерть еще раз обошла война. И все объяснимо! На бастионе, что был уже эшафотом, разорвался снаряд; он взрывною волною отбросил война к подножью холма. Немцы даже не стали его достреливать, ибо он был мертв! Не влетел бы тот снаряд от танка на бастион, Александр Башкин через мгновение взорвал бы гранату, зажатую в руке, и погиб с десятком немцев!

Его и свои уже повезли к братской могиле! Но он пришел в себя; в результате, как, оказалось, получил сильную контузию, утратил слух и речь. У братской могилы война забрали сестры милосердия, повезли в госпиталь. Но лечь в госпиталь Александр Башкин отказался.

Не мог. Душа не позволяла! Враг неумолимо преследовал отступающее русское воинство! По привольным донским степям, след в след, двигались к Сталинграду орды чужеземцев, взметывая танками смерчи просушенной зноем земли, в каждом городе разжигая пожарища, каруселью разгоняя смерть.

Гибель и гибель кружила над войсками. Огонь с тыла, огонь с фронта, огонь из леса, огонь с неба. Вся земля была в огне. И повсюду лязг гусениц, скрежет немецкой брони. Отбивались, как могли. Кровопролитные бои не затихали ни на мгновение. Те, кто умирал, оставаясь незамеченным на лежбище в лесу, шептал в бреду запекшимися губами:

— Сталинград! Спасите Сталинград!

Вместе с товарищами, отчаянными смельчаками и жертвенниками, Башкин сдерживал бешеный натиск врага у станций Каширская, Верхняя Тишанка, Михайловская,

Серафимовичи. Бился и с танками, и с озверелою пехотою. И как артиллерист, и как пулеметчик, и как боец рукопашной. Густо и там поливалась земля святою славянской кровью.

И все напрасно, напрасно!

Отвоеванные крепости приходилось сдавать.

И отступать дальше. К Сталинграду.

Все отступать, отступать

Где героическое, а где паническое отступление русского воинства, сильно сказывалось на настроении, тревожил го-

речь, страдание. Свершался душевный надлом! И на чем держаться сердцу? Фронт у Сталинграда рухнул! Отечество гибло! Велико храбр русс! Но его гнев, ненависть, несравненное мужество не смогли остановить орды чужеземцев! Сила ломала горстку жертвенников! Крестоносцы фюрера казались непобедимым! Поддавшись панике, ослабевшие воины бросали оружие на поле сражения. И уходили Каинами в леса, жили на болоте, затаивались на мельнице, в избе вдовы-крестьянки. Отчаянные стрелялись. Те, кто еще пытался спасти Отечество, истинные воины Руси, кто нес в сердце честь и совесть, отважно бились с врагом.

Но отступали, отступали!

Мудрые старцы, русские мадонны с младенцами на руках, встав у калиток своих изб, скорбно, со скрытым осуждением смотрели им вслед.

Черные дни!

Черные мысли.

Александр, как человек и воин, как сын Руси, тоже испытывал потрясение. Тоже шел и плакал. Его душа тоже стонала, билась в крике, почему так? Почему отступаем?

Поневоле задумаешься, все дальше отступая к городу Сталина под натиском несметного немецкого полчища, а выживет ли Россия? Не уведут ли ее потомки гуннов царя Аттилы в полон с петлею на шее? Как рабыню, как земную оскорбленность, надруганность? Не станет ли разрушенным миром во Вселенной?

Тому, кто любит Россию, тяжело видеть ее в несчастье, в рабстве, видеть на смертном одре!

Можно с отчаяния застрелиться! И были такие мысли, были! Чего греха таить? Тянулась рука к оружию! Сам себе не признаешься! Ибо стыдно, стыдно! За слабость свою стыдно. Но было! Тянулась рука к оружию! И не от горя, а от печального сердца! Он есть — Русь святая! Если кончается Русь святая, то зачем ему быть на земле? Зачем, если земля осиротеет от Руси? С каким смыслом? С какою правдою? С какою честью? С каким милосердием? С какою любовью? С каким сердцем?

Он знал, сдаться легче легкого. Пустил пулю в висок, и не стало тебя! Мук не стало! Немцев не стало! России не стало! Ничего не стало. Так поступали воины не раз, когда приходила душевная опустошенность, утрачивалась всякая надежда на спасение. Он не раз видел в лесу человека-воина с простреленным виском, который сидел скорбно, сгорбленно на сваленном дереве или на траве, лежащим на земле, как на Голгофе, руки раскинуты, как прибиты к кресту, а сам смотрит в небо со всеми печальями! Они умирали с дивным спокойствием, с достоинством и честью русского офицера. Он не мог себе объяснить, что это: трусость? Или геройство? Осудить всегда легче. Понять намного сложнее. Во время боя, на миру и смерть красна! Но как быть, если ты остался один на один с собою? Со своим страданием? Как быть, если нет больше сил, уходить в лес от наседающего фа-

шиста? Ты ранен и не желаешь больше быть тяжестью для воинов, в надежде уходящих от погони, но кому тоже вряд ли удастся сберечь себя в дьявольской игре со смертью? Но их не мучают раны, они не теряют сознание, не орошают своей кровью землю, у них есть посох – сила и воля. Они имеют возможность выжить! Зачем же собственной слабостью обрекать их на смерть?

Милосердно?

Не лучше ли застрелиться? Спаси еще живые души, тоже попавшие в гибельное половодье? Сколько их, сколько уже застрелилось от отчаяния, от утраты веры в победу, Россию.

Растревоженность за Отечество отнимает последние силы, отбирает волю, кровавым бредом заполняет сознание, и не остается ничего, совершенно ничего в глубине человеческого сердца, чтобы вести с собою заманчивую и расчетливую борьбу за жизнь. И человек опускает себя в могилу. Это самое страшное, что бывает на войне.

Александр Башкин отказался от выстрела.

Он имел характер и волю. Не было в мире бури, кому бы он покорился, поклонился! В сердце, от предков, жило истинное дыхание вольного духа, бунтарства! И считал роскошью расслабляться, уходить в угрюмое забытие. Он умел властвовать собою, быть диктатором собственной воли! Он был тот, кто не испытывал страха перед вечностью! Смерть никак не могла быть властелиншею его сердца! Он был выше ее, сильнее.

Вместе с тем, разве он один отстывает?

Разве только его душа плачет на всю Русскую землю?

Все русское воинство слышит в себе печаль за Отечество!

У всего народа стонала, билась в крике и плакала надруганная душа! Воины понимали, дальше Сталинграда отступить было нельзя!

Тогда, 28 июля, и появился карательный приказ Сталина за номером 227. В приказе с суровою правдивостью раскрылась опасность, какая нависла над Отечеством, говорилось о падении воинского духа, об утрате веры в победу. И законом вменялось для русского воинства требование: «Ни шагу назад!» — повернулся спиною к фашисту, предательски бежал с поля битвы, получи в награду пулю. Справедливую пулю! Чекисты будут ждать тебя с пулеметом!

Жестокий приказ.

Бесчеловечный!

Но он давал надежду на спасение России!

Даровал надежду на победу!

Александр Башкин сердцем воспринял его; нельзя предавать Отечество!

Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин вместе с народом и воинством тяжело переживал разгром Брянского фронта, назвал Федора Голикова бездарным генералом в Красной Армии. И снял его. Был создан Сталинградский фронт, во главе его стояли генералы от таланта Константин Рокоссовский и Николай Ватутин.

Битва за город Сталина началась 17 июля. Александр Башкин продолжал воевать в артиллерийском полку полковника Ильи Орешникова. И снова оказался там, где шли ближние битвы с фашистами. Где надо отбивать танки! Где люто лютует смерть! Где пули летают и жалят так осы, растревоженные на меду. Воин, в ком жила несокрушимая сила Пересвета, скорее, был повенчан богами Руси, стоять с мечом и щитом в первом ряду, на самом излете жизни и смерти. Артиллеристы заняли оборону в излучине Дона у хутора Ерзовка. С ее взгорья открывался весь Сталинград. Черные стаи крестоносцев, как лютые могильщики, уже бомбили город от красоты, от величия. И город по боли уже погружался в огненное пламя, где слышался плач земли, плач женщины с сыном.

18 июля в атаку на город Сталина пошли сотни танков. Они шли грозно, воинственно, стреляя на ходу, следом бежала пехота, прячась за броню, стреляя из автоматов трасирующими пулями, они бились светлыми шарами по щитам пушек, по брустверу, по каскам воинов. Грохот сотрясал землю. Орудия полковника Орешникова открыли ураганную стрельбу, желая сдержать, приостановить натиск орды. Повергнуть знамена со свастикою! Поле битвы запылало огнем, покрылось пороховым дымом. Началось еще невиданное сражение! Такое скопище танков воин Башкин еще не видел, — танки-крестоносцы закрыли собою всю землю,

куда не глянешь, танки и танки.

Сила шла страшная, повелительная!

Встанет на пути Вселенная, сметет и Вселенную!

Битва, где сбились на дуэли несметные силы, где жизнь и смерть перестали быть ценностью, где в пиршестве свободы стояла только ценность Отечества, ее честь, ее свобода, — напоминала сражение при Бородино, но только на поле сечи была не конница, а танки, танки.

Командир батареи капитан Никита Данилов, с красивым ликом, белокур, как Лель, с крутыми плечами богатыря, не отрывал взгляда от стереотрубы, умно, вдумчиво рассматривал поле сражения, и не забывал покрикивать по связи командирам орудий:

— Метче бейте! Владеть собою! Владеть! Посмотрите, на нашу высоту нахально прут двенадцать танков и рота автоматчиков! Делим на четыре пушки! Что получается? По три танка на брата! Заряжать бронебойными! Прицел постоянный! Огонь! Огонь! Не пропустим врага к Дону!

Александр Башкин, чья душа уже не раз была обожжена боями, снова воевал по смелости, по таланту. Он в кресле наводчика, без нервности, выискивал танк в перекрестье прицела, кричал командиру орудия:

— Есть цель!

В ответ слышалось грозное, неизменное:

— По фашистским гадам огонь! Огонь!

Сражение длилось трое суток с переменным успехом. Би-

лись со страшною силою. Неумолимая смерть кружила то над русским воинством, то над воинством завоевателя! Они опять брали числом, танками и самолетами. И сражались отчаянно, умно, с невиданным упорством! Поле битвы сплошь было усеяно фашистами, горевшими танками. Но танки шли и шли на редут Данилова-Башкина у хутора Ерзовка! *Генерал Вильгельм Паулюс начертал немецкому воинству на черном знамени бессмертия, # погибни, но зачерпни каскою воды из Дона!*

И жаркая битва не утихала! На батарее было разбито две пушки. Ее расчеты, кто оставался живым, в самые острые мгновения, когда танки-крестоносцы устрашающе приближались к траншее, брали связку гранат и гордо, бесстрашно ползли на танк, прячась за обгорелую траву. И в ловком броске взрывали себя и танк! Такую долю уготовил себе и Александр Башкин. Выжить в таком бою было немислимо! Оставалось две пушки, а танков тьма и тьма! Рано-поздно, но танки доберутся до редута и каждого артиллериста-защитника, кто останется жив, бесславно раздавят тяжелыми гусеницами, перемешают с могильною землею. В плен не возьмут! Ни одного! У редута горят десятки танков-крестоносцев! Несомненно, несомненно, прокатятся мщением за своего брата-тевтонца, кого полегло у подножья превеликое множество.

И покатыт дальше, к городу Сталина. И герои продолжали биться, удерживать редут! Вскоре разнеслась по полю бит-

вы горестная весть, — снаряд разорвался на батарее, тяжело ранен любимец артиллеристов командир Никита Данилов с Рязанщины, с родины Есенина. Он и ликом был похож на Сергея Есенина. Спасти ему жизнь не удалось. И разбита, изувечена снарядом и грозная пушка.

На батарее осталось одно орудие. То самое орудие, где воевал наводчиком Александр Башкин. Это орудие и повело, один на один, смертельную дуэль с немецким воинством! Орды обрушили на редут пиршество снарядов и огня! Гибли воины! Гибли в стоне, в прощальном крике, в плаче. Но воин Башкин стоял и стоял над полем битвы, как святорусский богатырь, как внук Ильи Муромца, как заколдованный, заговоренный от пуль и снарядов. Стоял как сама Русь, непреклонно и непоклонно. И упрямо, задыхаясь в огне и дыму, на прощальном усилии, отбивал и отбивал атаки врага!

Но сила шла несметная. Чужеземцы-крестоносцы окружили редут. Один танк удачно, воинственно ворвался на позицию и подмял, исковеркал гусеницами пушку, вмял ее в землю! Все произошло в мгновение. Воин Башкин даже не успел снять с пояса гранаты. Все, что успел, рысью отпрыгнуть в глубину траншеи. Танк не стал им заниматься. Пушка была разбита, а человек без пушки ему был не страшен.

Пережив страх, успокоив себя, Александр Башкин переполз по огненному полю к траншеям, где отбивалась от врага пехота. И стал воевать как пехотинец. По команде ротного поднимался в атаки, разил врага очередью из автомата, вел

гранатные схватки. Забивал его ножом врукопашную.

Ночами не спал. Не позволяли нервы. И было в обиду, невыносимо слышать злое, оскорбительное со стороны немецкого воинства:

— Рус, сдавай-с, возьмем Дон, будет буль-буль!

Немцы были уверены в победе. И с рассветом снова бросались в атаку за атакою. И Башкин, как мог, держал удары. В его сердце требовательно заселилась святая жертвенная обреченность: лечь в землю, но не пустить врага в Сталинград!

12 августа он принял последнюю битву с немецким воинством. К траншеям, где отбивалась от штурма пехота, близко-близко подошли танки-крестonosцы. Надо было сбить головную, командирскую машину! И воин Башкин усиленно пытался зажечь ее, зная по битвам, не будет командира, остальные танки обратятся в стадо! Но сколько он не бросал гранаты, ни одна не поразила цель; то ли руки тряслись от усталости, то ли сдали нервы! Он, во зло себе, выполз из окопа, достиг танка и, поднявшись в рост, бросил в грохочущее чудище связку гранат. И только успел это сделать, успел увидеть, как он содрогнулся, запылал пламенем, но успел дать гибельную очередь из пулемета.

По груди прошел жар, ноги, как подрезали косою, он услышал в боль. И со стоном упал на поле сражения, на пепелище, на свою могилу, раскинув руки крестом. Он еще слышал, как горячая кровь густо изливалась из тела, обильно смачивая землю. Но перевязать раны, не было сил. Без

страха, без мук, пришло забытьё. И воин Белым Лебедем отделился от земли и легко, по сладости и покою, полетел в загадочное созвездие Ориона, которое от века светило над его милою деревнею Пряхино. Сблизился со звездами, растворился в синеве, в вечности, где не бывает воскресения.

Наверное, все же жила на прощание радостная мысль — враг не прошел к Сталинграду!

Глава семнадцатая

ТАНКИ ИДУТ НА РАСПЯТЬЕ

I

На полуразрушенном вокзале в Сталинграде усердно раздувал пары заезженный, с латаными пробоинами, паровозик. Рывком выбрасывал из трубы дым, пахнувший мазутом и углем. Поезд-госпиталь под белым флагом с красным крестом отправлялся в Сибирь с минуты на минуту. Сестра милосердия неотступно следовала по перрону за начальником госпиталя Павлином Георгиевичем Булановым, благообразным старичком с добродушным лицом, умным и острым взглядом, и со слезами просила:

— Товарищ полковник, возьмите еще раненую троицу. Привезли с поля битвы! Они истекли кровью. Им срочно необходима операция! Могут умереть. Проявите сострадание, пожалуйста!

— Милочка, куда я их возьму? Посмотрите, что творится в каждом вагоне! Они переполнены! Раненые лежат в проходе, — неизменно отвечал он, приостанавливаясь, опираясь на трость, с рыцарским сочувствием рассматривая веснушчатое лицо девушки. — И документы не оформлены. Я не могу нарушить законный порядок. Или вы желаете, чтобы меня как преступника судил военный трибунал?

— Куда теперь воинов? — не унималась сестра милосердия. — Оставить на перроне, под бомбы фашистских самолетов?

— Везите в полевой госпиталь. И срочно! Не теряйте времени, милочка, если хотите сохранить им жизнь.

— Не успеем, товарищ полковник! Он в станице; езды двадцать километров. Воины погибнут! Они бились с танками, и лежали там, где вокруг горели костры! Еще бы мгновение, и танки с крестами раздавили героев, мы еле успели стащить в траншею! И к вам, к поезду! Какие документы? У вас два сына на фронте. И вы им убийца! — не сдерживая слез, по боли выговорила сестра милосердия. — Если они умрут, так и будет! Посмотрите, совсем еще мальчики, им жить и жить.

Полковник Буланов остановился у носилок с раненым Башкиным, долго рассматривал его бледное, мертвенное лицо, пощупал пульс. Да, жизнь теплилась только с Божьего благословения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.